

Минобрнауки России
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Том 1 № 4 (4) 2015

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л. Б. Парфенова, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
З. В. Брагина, доктор технических наук, профессор, МУБиНТ (Ярославль, РФ)
Л. А. Карасева, доктор экономических наук, профессор, ТвГУ (Тверь, РФ)
И. Ю. Киселев, доктор социологических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
И. А. Григорьева, доктор социологических наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
Г. А. Ключарев, доктор философских наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, РФ)
А. И. Василевский, кандидат экономических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Г. Антонова, доктор педагогических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
И. А. Стернин, доктор филологических наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова, доктор филологических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Л. Б. Парфенова, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Члены редколлегии:

И. Ю. Киселев, доктор социологических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

М. В. Шаманова, доктор филологических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Ф. Н. Завьялов, доктор экономических наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Ответственный секретарь:

А. А. Кострова, кандидат экономических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

РЕДАКЦИЯ

Адрес: ЯрГУ, ул. Советская, д. 14, г. Ярославль, 150000, Россия

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Тел.: +7-980-650-81-40 (Кострова Алла Анатольевна)

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
P. G. Demidov Yaroslavl State University

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

Volume 1 № 4 (4) 2015

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL COUNCIL

Lyudmila B. Parfenova – P. G. Demidov Yaroslavl State University, (Russia)
Zinaida V. Bragina – Yaroslavl International Business and New Technologies Academy (Russia)
Ludmila A. Karaseva – Tver State University (Russia)
Igor Yu. Kiselev – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)
Irina A. Grigorieva – St. Petersburg State University (Russia)
Gregory A. Klyucharev – Institute of Sociology RAS (Russia)
Albert I. Vasilevskiy – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)
Lyubov G. Antonov – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)
Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Russia)
Marina V. Shamanova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Editor-In-Chief:

Lyudmila B. Parfenova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

The editorial board:

Igor Yu. Kiselev – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Marina V. Shamanova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Fedor N. Zavyalov – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

Editorial Board Secretary:

Alla A. Kostrova – P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL OFFICE CONTACTS

Mailing Address: Sovetskaya str. 14, Yaroslavl, Russia, 150000

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7-980-650-81-40 (Alla Anatolyevna Kostrova)

16+

© P. G. Demidov Yaroslavl State University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Кузьмин И. Г.

Формирование доходной базы бюджетов муниципальных образований:
анализ состояния, проблемы, направления совершенствования 229

Иванова В. Н.

Перспективы развития международных валютных союзов 237

Новожилова Ю. В.

Интегрированная отчетность и её место в системе корпоративных отчетов 248

СОЦИОЛОГИЯ

Албегова И. Ф.

Образование пожилых людей как условие и фактор их интеграции
в российский социум 256

Афонин М. В., Руденко Л. Д.

Соседские общины как институт местного самоуправления 260

Дудина И. М.

Демонстративность и кредитное поведение: некоторые результаты
исследования 266

ФИЛОЛОГИЯ

Антонова Л. Г.

Приемы провокативного дискурса в сетевом дневнике 272

Неронова И. В.

Теория возможных миров литературы: предпосылки создания, основные
задачи и подход к художественному миру литературного произведения 277

Рудакова А. В.

Проблемы алгоритмизации описания значения как феномена языкового
сознания 284

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 62344 от 03.07.2015 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Каталоге российской прессы «Почта России» – 31978. Формат А4. Объем 64 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ №16026. Дата выхода в свет 20.02.2016.
Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

CONTENTS

ECONOMICS

Kuzmin I. G.

Formation of profitable base of budgets of municipalities: analysis of a state, problem, direction of improvement..... 229

Ivanova V. N.

Prospects of Development of International Currency Unions..... 237

Novozhilova J. V.

Integrated reporting and its place in the system of corporate reports 248

SOCIOLOGY

Albegova I. F.

Education for older people as a condition and a factor of their integration into Russian society 256

Afonin M. V., Rudenko L. D.

Neighborhood community as an institution of local self-government 260

Dudina I. M.

Demonstrative and credit behavior: some research results..... 266

PHILOLOGY

Antonova L. G.

Receptions provokativ discourse in online diary 272

Neronova I. V.

Possible worlds of literature: prerequisites, main tasks and approach to fictional world 277

Rudakova A. V.

Problems of algorithmization of word meaning description as language consciousness phenomenon..... 284

ЭКОНОМИКА

УДК 336

Формирование доходной базы бюджетов муниципальных образований: анализ состояния, проблемы, направления совершенствования

И. Г. Кузьмин

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

E-mail: KuzminIG@yandex.ru

Научная статья

Исследуются теоретические и практические аспекты формирования доходной базы бюджетов муниципальных образований на современном этапе. Проведен анализ состава, структуры и динамики доходов бюджета городского округа г. Ярославля. Выявлены актуальные для современного этапа развития бюджетной системы проблемы формирования доходной базы бюджета на муниципальном уровне. Разработаны некоторые рекомендации по поиску новых путей формирования доходов бюджетов муниципального образования

Ключевые слова: бюджет; бюджетная система; бюджетная реформа; муниципальный бюджет; состав и структура доходов местного бюджета; порядок формирования доходов; анализ состояния доходной базы местного бюджета; проблемы и пути решения.

Formation of profitable base of budgets of municipalities: analysis of a state, problem, direction of improvement

I. G. Kuzmin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

Theoretical and practical aspects of formation of profitable base of budgets of municipalities are investigated on is modern a stage. The analysis of structure, structure and dynamics of the income of the budget of the city district Yaroslavl is carried out. Developments of the budgetary system of a problem of formation of profitable base of the budget, actual for the present stage, at the municipal level are revealed. Some recommendations about search of new ways of formation of the income of budgets of municipality are developed.

Keywords: budget; budgetary system; budgetary reform; municipal budget; structure and structure of the income of the local budget; order of formation of the income; analysis of a condition of profitable base of the local budget; problem and solution.

В результате бюджетной реформы 2000-х годов сложилась новая структура бюджетной системы Российской Федерации. Особо это коснулось третьего уровня системы – местных бюджетов. К компетенции местных органов власти, наиболее тесно связанных с населением, в соответствии с федеральным законом № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года относится решение следующих вопросов местного значения: социальной защиты населения, образования, транспортного обслуживания, коммунального хозяйства и т.д. [1] Для решения этих задач исполнительный орган местного самоуправления (в дальнейшем сокращенно – МСУ) должен иметь устойчивый, сбалансированный бюджет. Ежегодно органы МСУ занимаются формированием доходной базы местных (муниципальных) бюджетов и при этом сталкиваются с рядом трудностей в процессе практического исполнения доходной части бюджетов, особенно в современных экономических условиях в стране. В связи с важностью выполнения запланированных в бюджетах расходов на нужды муниципальных образований (районов

и поселений) решение вопросов формирования доходной базы местных бюджетов приобретает особую актуальность.

Целью исследования является анализ практических аспектов формирования доходной части местных бюджетов, выявление современных проблем создания устойчивых сбалансированных бюджетов и разработка направлений совершенствования их доходной базы. Объектом исследования является бюджет городского округа Ярославль.

Действующая в стране система формирования доходов бюджетов всех уровней базируется на принципе единства. В российском финансовом законодательстве его смысл заключается в установке методов распределения всех налоговых и неналоговых доходов по трем уровням бюджетов бюджетной системы РФ: федеральному, региональным и местным.

Порядок формирования местного бюджета изложен в части III Бюджетного кодекса РФ [2]. Существует также большое количество иных законодательных и нормативных правовых актов на уровне государства и субъектов РФ, регулирующих отношения, связанные с формированием местного бюджета, в том числе его доходной части.

Формирование доходной базы местных бюджетов регулируется в основном на федеральном и региональном уровнях. Однако часть правовых актов, регламентирующих эти отношения, являются нормативными актами муниципальных образований. Они конкретизируют акты высших уровней власти. Так, в принятом муниципалитетом г. Ярославля Уставе города в разделе X установлены финансово-экономические основы городского самоуправления. Он закрепляет право города иметь собственный бюджет, формировать доходы бюджета в соответствии с бюджетным и налоговым законодательством РФ. В утвержденном Положении о бюджетном процессе в городе Ярославле регулируются бюджетные правоотношения, возникающие в ходе составления и рассмотрения проекта бюджета, утверждения и исполнения бюджета, а также контроля над его исполнением. В соответствии с Бюджетным и Налоговым кодексами РФ и данным Положением составление проекта бюджета основывается на Прогнозе социально-экономического развития города Ярославля и Основных направлениях бюджетной и налоговой политики города Ярославля.

Доходная часть муниципальных бюджетов состоит из собственных средств муниципального образования, а также привлеченных в виде субвенций и заемных средств, что наглядно изображено на рис. 1.

К числу местных налогов и сборов в соответствии с Налоговым кодексом РФ (ст. 15) относятся: земельный налог, налог на имущество физических лиц и торговый сбор. Последний введен с 1 июля 2015 года для малого бизнеса [3, ст. 410].

Налог на имущество физических лиц в настоящее время заменяется налогом на недвижимое имущество, что повлекло изменения в методике исчисления данного налога: вместо инвентаризационной стоимости имущества налоговая база теперь исчисляется в кадастровой оценке, которая приближена к рыночной стоимости.

В порядке эксперимента на этот налог переведены уже с 1 января 2015 года 28 субъектов РФ, в том числе Ярославская область. Срок уплаты данного налога за 2015 год установлен до 1 ноября 2016 года.

На рис. 1 перечислены и возможные неналоговые доходы местных бюджетов. Из перечня можно сделать вывод, что неналоговые доходы для муниципальных образований являются важным источником пополнения доходной базы бюджетов. На практике основными неналоговыми доходами местных бюджетов являются арендная плата за землю и иное муниципальное имущество, а также доходы от продажи этого имущества.

Доходная часть местного бюджета должна обеспечивать финансирование хотя бы минимальных расходов (по соответствующим нормативам) при решении вопросов местного значения. Однако в настоящее время большая часть муниципальных образований не имеет достаточного объема собственных средств в бюджетах. В таком случае к процессу формирования доходной части местных бюджетов подключаются

региональные власти. В соответствии с законодательством субъекты РФ имеют право устанавливать минимально необходимые расходы данных местных бюджетов, основываясь на нормативах финансовых затрат на единицу предоставляемых государственных услуг и на заданиях на предоставление этих услуг [4, с. 23–26].

Рисунок 1. Состав доходной части местных бюджетов в соответствии с законодательством РФ [1, ст. 41–47], [2, ст. 55–56].

Согласно ст. 47 Бюджетного кодекса РФ субвенции не относятся к собственным доходам местных бюджетов. Они предоставляются бюджетам муниципальных образований из бюджетов вышестоящих уровней на безвозмездной и безвозвратной основе на осуществление определенных целевых расходов.

Доходным источником муниципальных бюджетов являются также доходы от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности. Сюда относятся доходы муниципальных унитарных предприятий (МУП), а также поступления от оказания платных услуг бюджетными учреждениями.

Дополнительным источником покрытия недостатка собственных средств местного бюджета при превышении расходов по нормативам минимального бюджета являются заемные средства. Следует учитывать то, что заем – это доход временного характера, так как он должен быть возвращен в определенный срок. Заем осуществляется и путем выпуска муниципальных ценных бумаг в соответствии с федеральными законами от 22.06.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» и от 29.07.1998 № 136-ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг».

Проведенный автором анализ динамики и структуры поступления доходов в бюджет города Ярославля за 2012–2014 гг. показывает, что общая сумма доходов возросла на 30,3 %. При этом произошла реструктуризация по группам доходов: на первое место вышли безвозмездные поступления – их удельный вес возрос с 41 до 54 %. В то же время значительно снизилась доля налоговых доходов – с 43 до 32 %, а неналоговые доходы уменьшились, но не так существенно – с 16 до 14 %. Следовательно, возросла зависимость доходной базы городского бюджета от дотаций, субвенций и субсидий из областного, а частично и из федерального бюджетов, что свидетельствует о достаточно слабой собственной доходной базе.

Одной из главных причин такого положения, на наш взгляд, явились проблемы с налоговым администрированием на государственном уровне. Для современной России характерна централизованная модель бюджетного федерализма, когда самостоятельность функционирования нижестоящих звеньев бюджетной системы сведена к минимуму. В этих условиях финансирование муниципальных программ осуществляется в основном путем различных форм межбюджетного регулирования за счет централизованных ресурсов.

Проанализируем более детально структуру налоговых доходов городского бюджета (табл. 1):

Таблица 1

Состав, структура и динамика налоговых доходов бюджета города Ярославля за 2012–2014 года [4]

Наименование налогового дохода	2012 г.		2013 г.		2014 г.		Абсолютное изменение (+, –), млн руб.		Темп роста, %	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	2013/ 2012	2014/ 2013	2013/ 2012	2014/ 2013
Налог на доходы физических лиц	3 695	68,82	4 140	69,66	3 311	63,96	445	- 829	112,04	79,98
Земельный налог	1 054	19,63	1 128	18,98	1 105	21,34	74	- 23	107,02	97,96
ЕНВД для отдельных видов деятельности	401	7,47	421	7,08	421	8,13	20	0	104,99	0
Налог на имущество физических лиц	152	2,83	178	3,00	207	4,00	26	29	117,10	116,29
Прочие источники налоговых доходов	67	1,25	76	1,28	133	2,57	9	57	113,43	Увел. в 1,75 раза
Итого налоговые доходы	5 369	100	5 943	100	5 177	100	574	-766	110,69	87,11

За исследуемый период снижение поступлений среди налогов произошло в 2014 году по НДФЛ (на 829 млн руб., или на 20,02 %) и земельному налогу (на 23 млн руб., или на 2,04 %). По другим налогам наблюдается рост, кроме ЕНВД (он остался на том же уровне). Наибольший рост произошел по налогу на имущество физических лиц (на 29 млн руб., или на 16,29 %).

Неналоговые доходы не имеют твердо установленной ставки, к тому же в отличие от налогов они жестко не планируются. Проанализируем их состав, структуру и динамику (табл. 2).

Таблица 2

**Состав, структура и динамика неналоговых доходов бюджета
города Ярославля за 2012–2014 гг.**

Наименование неналогового дохода	2012 г.		2013 г.		2014 г.		Абсолютное изменение (+, -), млн руб.		Темп роста, %	
	млн руб.	струк- тура, %	млн руб.	струк- тура, %	млн руб.	струк- тура, %	2013/ 2012	2014/ 2013	2013/ 2012	2014/ 2013
Доходы от использования имущества, находящегося в муниципальной собственности	882	43,17	1 175	54,37	1 263	53,65	293	88	133,22	107,49
Платежи при пользовании природными ресурсами	24	1,18	24	1,11	49	2,08	0	25	0	увел. в 2 раза
Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	957	46,84	837	38,73	824	35	-120	-13	87,46	98,45
Доходы от оказания платных услуг (работ) и компенсации затрат государства	45	2,2	31	1,43	104	4,42	-14	73	68,89	увел. в 3,3 раза
Штрафы, санкции, возмещение ущерба	123	6,02	82	3,8	84	3,57	-41	2	66,67	102,44
Прочие источники неналоговых доходов	12	0,59	12	0,56	30	1,28	0	18	0	увел. в 2,5 раза
Итого неналоговые доходы	2 043	100	2 161	100	2 354	100	118	193	105,78	108,93

По данным табл. 2 следует сделать вывод, что наблюдается тенденция к росту неналоговых доходов за 2 года на 311 млн руб., или на 15,2 %. Более быстрыми темпами росли доходы от использования муниципального имущества – на 43,2 %, или на 381 млн руб. (293 + 88).

Безвозмездные поступления также проанализируем по составу, структуре и динамике (табл. 3).

Итак, общая сумма безвозмездных поступлений возросла с 5047 млн руб. в 2012 г. до 8696 млн руб. в 2014 г., то есть на 3649 млн руб., или на 72,3%. Темпы роста в 2013 г. и 2014 г. были примерно равны – свыше 30 %. Наибольший темп прироста произошел по субсидиям – с 620 млн руб. в 2012 г. до 1497 млн руб. в 2014 г., то есть в 2,4 раза. Особенно быстрый рост произошел в 2013 г. На втором месте – субвенции, они увеличились за два года соответственно с 4360 млн руб. до 7488 млн руб., то есть на 71,8 %.

Состав, структура и динамика безвозмездных поступлений бюджета города Ярославля за 2012–2014 гг.

Наименование неналогового дохода	2012 г.		2013 г.		2014 г.		Абсолютное изменение (+, -), млн руб.		Темп роста, %	
	млн руб.	струк- тура, %	млн руб.	струк- тура, %	млн руб.	струк- тура, %	2013/ 2012	2014/ 2013	2013/ 2012	2014/ 2013
Дотации бюджетам городских округов	4	0,08	-	-	-	-	- 4	-	-	-
Субсидии бюджетам городских округов	620	12,30	1 489	22,65	1 497	17,21	869	8	увел. в 2,4 раза	101,3
Субвенции бюджетам городских округов	4 360	86,40	5 075	77,19	7 488	86,11	715	2 413	116,4	147,6
Иные безвозмездные поступления	87	1,73	78	1,19	27	0,31	-9	-51	89,66	умен. в 2,9 раза
Доходы от возврата бюджетами и организациями безвозмездных поступлений, имеющих целевое назначение, прошлых лет	-	-	6	0,09	7	0,08	6	1	-	85,7
Возврат остатков безвозмездных поступлений прошлых лет	-26	-0,51	-73	-1,11	-323	-3,71	-47	-250	увел. в 2,8 раза	увел. в 4,4 раза
Итого безвозмездные поступления	5 047	100,00	6 575	100,00	8 696	100,00	1 528	2 121	130,3	132,3

Анализируя структуру безвозмездных поступлений, следует отметить, что основную долю (в 2014 году свыше 86 %) занимают субвенции. Доля субсидий в 2014 году увеличилась по сравнению с 2012 г. с 12,3 % до 17,2 %. Дотации практически отсутствовали в течение данного периода. Это можно оценить как положительный факт в том смысле, что дотации предоставляются без указания цели их использования, в отличие от субвенций и субсидий, что затрудняет контроль над эффективностью использования бюджетных средств, что особенно актуально в современных условиях.

На основе анализа практики формирования доходов бюджета по городскому округу г. Ярославль можно выделить следующие проблемы.

К числу основных проблем формирования доходной базы бюджета городского округа г. Ярославль относится несовершенство действующего механизма формирования доходов местных бюджетов. Федеральное законодательство ограничивает права органов местного самоуправления (в дальнейшем – МСУ) в установлении элементов местных налогов, в частности льгот по ним, которые фактически полностью регламентированы на федеральном уровне – в Налоговом кодексе РФ.

При администрировании земельного налога существует проблема коммуникации между различными государственными структурами. Так, отсутствует единая база, учитывающая все объекты обложения земельным налогом. Органы, отвечающие

за ведение государственного кадастра, не обладают полнотой сведений о земельных участках, их назначении и собственниках, которые должны представлять соответствующую информацию в налоговые инспекции. К тому же утвержденная методика кадастровой оценки земельных участков для целей налогообложения недостаточно учитывает особенности и месторасположение этих участков.

При администрировании налога на доходы физических лиц (в дальнейшем – НДФЛ) до сих пор существует проблема «серых зарплат», когда руководители организаций, для того чтобы уплачивать страховые взносы в государственные внебюджетные фонды в минимальном размере, предпочитают выплачивать своим работникам так называемую «зарплату в конверте». Решение этой проблемы может быть облегчено, когда снова восстановят единый социальный налог, который, наряду с НДФЛ, будут администрировать налоговые органы.

Федеральным законодательством также ограничены права органов МСУ в отношении администрирования единого налога на вмененный доход, однако 90 % поступлений от него зачисляется в местные бюджеты. Фактически органы МСУ могут влиять только на применение соответствующего корректирующего коэффициента К2 и выбор отдельных видов деятельности, подпадающих под уплату данного налога. На наш взгляд, постепенная замена этого налога патентной системой налогообложения положительно скажется на решении данной проблемы.

Для активизации перехода на патентное налогообложение необходимо вести активную информационную работу по разъяснению основных положений этого налогового режима. Благодаря этому можно не только увеличить число граждан, желающих открыть собственное дело, но и создать хорошую мотивацию для выхода «из тени» тем, кто занимается предпринимательской деятельностью без регистрации.

Для увеличения неналоговых доходов в местных бюджетах необходима, по нашему мнению, разработка комплекса мероприятий. Такими мероприятиями могут стать:

проведение инвентаризации имущества, в том числе земельных участков, находящегося в муниципальной собственности, для выявления неиспользуемого имущества и определения направлений его эффективного использования;

формирование и утверждение перечня имущества, сдаваемого в аренду для увеличения доходов местного бюджета;

своевременная корректировка размера арендной платы в связи с изменением рыночной стоимости сдаваемого в аренду имущества;

выявление неиспользуемых основных фондов, переданных муниципальным учреждениям, для принятия мер по сдаче их в аренду или продаже.

Необходимо отметить, что в последние годы в нашей стране много сделано для усиления финансовой самостоятельности органов МСУ, но вместе с тем остался ряд нерешенных проблем, о чем свидетельствуют и публикации в специальной литературе [5, с. 11–12]. Так, зависимость местных бюджетов от выделяемых из федерального и региональных бюджетов межбюджетных трансфертов пока еще высока [6, с. 14–20]. В общем объеме поступивших в 2013 году собственных доходов местных бюджетов межбюджетные трансферты (без учета субвенций) составили 46,1 %, а налоговые и неналоговые доходы – 53,9 %. Из общего количества муниципальных образований в этом году только в 6,4 % доля межбюджетных трансфертов составила менее 10 %, в то время как в 49,7 % – свыше 70 % [7]. К слову, в городе Ярославле эта доля в 2013 г. составила 15,6 % (в 2014 году она снизилась до 13,8 %).

Для решения указанных выше проблем формирования доходной базы местных бюджетов нами предлагаются следующие направления совершенствования (табл. 4).

**Направления совершенствования формирования доходной базы
местных бюджетов**

Направления совершенствования	Комментарий
Увеличение полномочий органов местного самоуправления в отношении собственных доходов	Управление элементами местных налогов целесообразно передать муниципальным властям
Активизация работы по выявлению собственников земельных участков, регистрации их в качестве налогоплательщиков, оказанию содействия в оформлении прав собственности на земельные участки	Благодаря перечисленным направлениям, по нашему мнению, можно увеличить поступление местных налогов в бюджеты муниципальных образований.
Применение разных ставок по земельному налогу	
Создание единой системы управления недвижимостью	
Отмена предоставления некоторых федеральных льгот по местным налогам и замена их местными льготами	

Предложенные направления совершенствования формирования доходной базы местных бюджетов, по нашему мнению, позволят лучше обеспечить соблюдение принципа самостоятельности муниципальных образований, что улучшит управление бюджетными средствами и повысит уровень удовлетворения их потребностей.

Ссылки / Reference

- [1] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 28.11.2015).
- [2] Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 29.12.2015).
- [3] Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 28.11.2015).
- [4] Гаврилов Е. В. О доходной базе местных бюджетов // Финансы. 2012. № 9. С. 23–26.
- [5] Гайзатуллин Р. Р. О повышении уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований в Республике Татарстан // Финансы. 2012. № 12.
- [6] Левина В. В. Оценка эффективности распределения межбюджетных трансфертов на региональном уровне // Финансы. 2015. № 2. С. 14–20.
- [7] Информация о результатах мониторинга местных бюджетов РФ по состоянию на 1 января 2014 г. : Официальный сайт Министерства финансов РФ.
URL: http://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/monitoring_finance (дата обращения 11.05.2015).

УДК 336.744

Перспективы развития
международных валютных
союзов

В. Н. Иванова

*Российский государственный социальный
университет*

E-mail: vn_ivanova@mail.ru

Научная статья

Статья посвящена анализу итогов 20-летнего функционирования еврозоны как возможного примера для построения Евразийского валютного союза и как наиболее уязвимой части мировой экономики в отношении текущего системного кризиса. Очерчены перспективы ее развития. Показана взаимосвязь курсовой динамики между валютами разных стран. Рассмотрено влияние системного кризиса и международных санкций на стабильность экономики России и стабильность курса рубля. Описана роль и место конкретных мировых валют в валютных резервах центральных банков.

Ключевые слова: валютный союз; евро; курсовая политика; системный кризис; евразийский союз; девальвация; золотовалютные резервы; стабильность; государственный долг; интеграция; цены; экономический рост; финансовые рынки; центральные банки.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проект № 14-02-00046 «а».

Валютный союз – формальное межгосударственное соглашение о взаимозаменяемости валют во внутренних расчетах, о создании межнациональных или наднациональных эмиссионных центров (еврозона, зона восточно-карибского доллара и т. п.), о возможности официального, с согласия страны-эмитента, использования чужой валюты в денежном обращении своей страны. Валютными союзами не являются случаи законодательного разрешения или неформальной практики использования иностранных валют во внутреннем денежном обращении или для проведения ограниченного круга кредитно-денежных операций. На сегодняшний день в мире существуют:

- 3 формальных валютных союза с расчетной денежной единицей;
- 15 формальных валютных союзов с денежной единицей в обращении;
- 6 «валютных союзов», включающие непризнанные и частично признанные государства.

Все указанные выше 24 союза были организованы в период с 1920 по 2010 годы. В прошлом же, в период с 1864 по 2002 год, существовало еще 19 валютных союзов. В настоящее время планируется создать дополнительно 6 валютных союзов, в том числе Евразийский валютный союз, куда войдут Россия, Белоруссия и Казахстан [1]. При этом экономики указанных трёх государств тесно связаны друг с другом и сильно зависят от экономики России, как крупнейшей из них. Естественно, что лучшим финансовым

Prospects of Development
of International Currency
Unions

V. N. Ivanova

Russian State Social University

Scientific article

The article is devoted to the analysis of results of 20 years' functioning of euro a zone as possible example for creation of the Eurasian currency union and as most vulnerable part of world economy concerning the current system crisis. Prospects of its development are outlined. The interrelation of course dynamics between currencies of the different countries is shown. Possible consequences of system crisis and the international sanctions on stability of economy of Russia and actually ruble exchange rate are presented. The role and the place of concrete world currencies in currency reserves of the central banks are described.

Keywords: currency union; euro; course policy; system crisis; Eurasian union; devaluation; gold-value backlogs; stability; national debt; integration; prices; economy growing; financial markets; central banks.

ответом на сегодняшний валютный кризис является более быстрая экономическая интеграция и, прежде всего, ввод единой евразийской валюты. Изначально общая валюта, конечно, будет слабой. Ни российский рубль, ни белорусский рубль, ни тенге нельзя назвать сильной валютой. Тем не менее постепенное формирование единого внутреннего евразийского рынка товаров и услуг, не нацеленного на экспорт, и изменение внешней конъюнктуры в итоге пойдёт на пользу новой валюте. Естественно, появление общей валюты – это прежде всего политическое, а не экономическое решение. Его будут принимать президенты трёх стран [2]. В будущем к евразийскому валютному союзу Белоруссии, России и Казахстана могут присоединиться Армения и Киргизия. Было обозначено введение единой евразийской валюты – алтына – не позднее 2025 года.

Плюсов от перехода на единую евразийскую валюту достаточно. Граждане и предприятия не будут терять на обмене валют и банковских комиссионных. Естественно, компании не будут брать на себя валютные риски, что особенно важно для взаимной торговли между странами. Единая валюта будет также способствовать более быстрому формированию единого рынка капитала. Единый рынок ценных бумаг будет формироваться, вероятно, на Московской бирже, а евразийский Центробанк будет находиться в Алма-Ате. Общая евразийская валюта вряд ли будет полностью похожа на евро. Ключевые решения в Евразийском Центральном банке, вероятно, будут приниматься единогласно премьер-министрами или руководителями нацбанков всех трёх стран. Сначала должна появиться безналичная денежная единица и лишь спустя год или два – наличная.

Актуальность создания нового валютного союза базируется на текущих трендах мировой экономики – снижении цен на нефть и горнорудную продукцию, затянувшейся инновационной паузе, волатильности валютных курсов и снижении темпов экономического роста во многих странах. Так, например, решение Народного банка КНР в августе 2015 года девальвировать юань приходится на период общего ослабления китайской экономики в предшествующие отмеченному событию месяцы, что проявилось в замедлении роста всех секторов (включая торговлю, промышленность и строительство) и до этого в июльском обвале материковых бирж [3]. В этом отношении опыт перехода европейских стран на евро является очень полезным как в методологическом, так и в сугубо практическом плане.

Напомним, что основной задачей введения евровалюты была ликвидация противоречия между внешнеторговой и валютной составляющими интеграционного процесса в Европе. Это противоречие стало особенно заметным после перехода мировой валютной системы в 1973 году от фиксированных к плавающим, т. е. свободно меняющимся, валютным курсам. С концептуальной точки зрения рассматриваемое явление интеграции вписывается в одну из двух главных тенденций, характерных для современной мировой экономики – в тенденцию создания региональных экономических блоков и объединений в разных частях света.

Значение этого процесса в глобальных масштабах определяется тем местом, которое занимали тогда страны Европейского союза (ЕС) в мировой экономике и в мировой валютной системе [4]. Наряду с двумя другими центрами экономической и валютной мощи (США и Японией) страны-члены ЕС составляли основной несущий каркас этой экономики и этой системы. При этом доля европейских (национальных) валют в мировой валютной системе была намного меньше, чем доля ЕС в общеэкономических показателях. Ожидалось, что с введением евро этот разрыв будет сокращаться. Так оно и вышло на практике.

Правда, в настоящее время еврозона демонстрирует признаки нездоровья, хотя темпы роста здесь начинают повышаться после кризисных явлений первого десятилетия века. При этом ключевой проблемой, точнее, фундаментальным противоречием всех валютных союзов как таковых остаются сложности модели, основанной на единой валюте без единой финансовой системы [5]. Можно предположить, что со временем решение будет найдено и кризиса евро удастся избежать. Однако надеяться на окончательное разрешение указанного выше противоречия никаких оснований нет.

Ведь страны, входящие в любой валютный союз, никогда не пожертвуют своим экономическим суверенитетом, в то время как единая валюта всегда будет им препятствовать проводить самостоятельную курсовую политику. Здесь вся надежда на компромиссы, которые в настоящее время постоянно ищутся и активно обсуждаются [6].

Тем не менее введение евро – беспрецедентное явление в мировой экономике. Впервые в истории появилась совершенно новая денежная единица, призванная заменить и вытеснить из внутреннего и внешнего оборота национальные денежные единицы. Именно поэтому представленный ниже анализ в первую очередь посвящен Европейскому валютному союзу (ЕВС), действующему в рамках Европейского союза (ЕС).

Мировой финансовый кризис

Международные валютные союзы, существующие на данный момент в мире, оказывают огромное влияние как на макроэкономику и финансовые потоки в глобальной экономической системе, так и на экономики отдельных стран, входящих в их составы. Поэтому, рассматривая проблемы мировых валют, невозможно не остановиться на вопросах экономических отношений в мире.

Современный системный кризис, начавшийся в 2008 году и лежащий в основе экономик всех стран, имеет непосредственное отношение к дальнейшему развитию мировой экономики. Его можно рассматривать в разных контекстах, но мы отметим его влияние на геополитические и геоэкономические сдвиги, на формирование новой расстановки сил (отдельных стран и регионов) в мировой политике. В начале кризиса можно было предположить, что он приведет к закреплению двухполярной модели, основанной на противостоянии США и Китая, которых иногда обозначают как «большую двойку». Однако постепенно все отчетливее проступают контуры многополярного мира. Хотя такой мир и не исключает наличия двух-трех ключевых экономических центров, но на практике представляет возврат к хорошо известной по XIX в. модели «концерта стран», балансирующих интересы друг друга. С поправкой на нынешние реалии речь может идти, скорее, о балансе интересов ключевых региональных группировок.

Системный кризис ставит на повестку дня вопрос о новой мировой финансовой архитектуре. Множественность резервных валют могла бы поддержать тенденцию к многополярности мира и способствовать росту ответственности денежных властей соответствующих стран (поскольку резервные валюты будут конкурировать между собой).

Соответственно возникает вопрос о перспективах роста развивающихся стран, особенно тех, от которых ожидали экономического чуда. С их динамичным развитием связывали немало надежд. Развернулась дискуссия о том, насколько в обозримом будущем развивающиеся страны сумеют повторить успехи предыдущих 20 лет (начиная с 1990-х годов).

Пока что развивающиеся страны остаются наиболее динамичной группой, хотя их темпы роста заметно замедлились в 2012–2013 гг. Причем лидерство здесь по-прежнему поддерживается за счет азиатских стран. Однако доля развивающихся стран в мировом ВВП повышается благодаря высоким темпам роста в развивающихся странах Азии, а также благодаря собственно расширению группы динамично растущих развивающихся стран, в частности, а счет стран Латинской Америки.

Темпы же роста развитых стран существенно замедлились как в докризисном периоде (по сравнению с 1990-ми годами), так и в посткризисном. При этом значимый вклад в это замедление вносит Европа, а среднегодовые темпы роста неевропейских развитых стран превышают 2 %.

Такое замедление роста в них неизбежно влияет на темпы роста и развивающихся стран. Основными каналами этого выступают аутсорсинг производства, наличие основного объема конечного спроса в развитых странах, необходимость трансферта технологий и капитала из развитых в развивающиеся страны, а также глобализация мирового финансового рынка, способного перенаправлять в условиях глобального спада

экономической активности капиталы из развивающихся стран в безрисковые активы (то есть активы в развитых странах).

Таким образом, анализ современных экономических тенденций не позволяет сделать однозначный вывод о деглобализации, однако следует обратить внимание на возможность важных изменений в развитии мировой финансовой архитектуры в связи с ростом влияния экономик развивающихся стран [7].

Европейский союз

Кратко остановимся на анализе экономической ситуации в Европейском союзе, так как за последние несколько лет она не сильно изменилась и основные проблемы остаются теми же.

1 ноября 2013 года исполнилось 20 лет со дня вступления в силу Договора о Европейском союзе (или неофициально – Маастрихтского договора), призванного обеспечить свободное передвижение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы на территории подписавших его стран. Собственный юбилей Европа встретила не только в состоянии экономической рецессии, но и с невыполнением значительным числом европейских стран основополагающих Маастрихтских критериев (критериев конвергенции). Так, по итогам второго квартала 2013 года совокупный государственный долг 28 стран ЕС составил 86,8 % ВВП, а госдолг 17 стран Еврозоны достиг 93,4 % ВВП, что значительно превышает установленный Маастрихтским договором и Пактом стабильности и роста лимит суверенного долга в размере 60 % от величины ВВП.

Основной движущей силой роста ВВП в Союзе должен был стать внутренний спрос. Постепенное снижение неопределенности, уменьшение фискальной нагрузки и инфляции позволило бы домашним хозяйствам и организациям повысить объем потребления и инвестиций. Что же касается внешнего спроса на европейскую продукцию, то на него оказывает непосредственное влияние снижение темпов роста экономики развивающихся стран, которое наблюдается с конца 2012 г. Особое беспокойство европейских властей вызывает снижение темпов роста российской экономики и последствия экономических санкций, которые оказывают негативное воздействие на экономическое положение европейских стран, поскольку для многих из них Россия является одним из важнейших торговых партнеров [8].

Всё более значимыми становятся страновые детерминанты будущего роста, что обуславливает значительные отличия в темпах развития экономик разных европейских государств. Эти отличия вызваны неравномерным воздействием кризиса на рынки недвижимости, финансов и рабочей силы в разных странах ЕС, а также с различной эффективностью мер по урегулированию кризисных явлений, которыми определяются потенциалы долгосрочного роста этих стран. Что касается развития европейского рынка труда, то, по прогнозу Еврокомиссии, возобновление экономической активности в ЕС лишь постепенно приведет к созданию новых рабочих мест.

Таким образом, в настоящее время сохраняется неопределенность в отношении экономического и финансового развития европейских стран. В связи с этим дальнейшие шаги по проведению структурных реформ и укреплению архитектуры Еврозоны являются необходимыми для существования Евросоюза [9].

Евро как резервная валюта

В 1999 году единая европейская валюта была введена для безналичных расчетов, а с 2002 года – в наличный оборот более десятка стран. Для целей управления, контроля и поддержания стабильности новой валюты был создан по образцу Бундесбанка Европейский центральный банк (ЕЦБ). Так стала формироваться зона евро, которую первоначально составляли 11 из 15 стран – участниц ЕС. Переход на единую валюту обеспечил странам зоны евро следующие преимущества:

– евро привел к устранению валютного риска, связанного с обменными операциями и снижению транзакционных издержек, обусловленных внутризональной торговлей;

– евро способствовал ценовой стабильности: за последние пять лет уровень инфляции в зоне евро не превышал 2–4 % в год, что является главной целью ЕЦБ, одновременно с этим стабилизировались и инфляционные ожидания;

– четко сформулированный приоритет в деятельности ЕЦБ – стабильность цен – позволил значительно уменьшить размер премии за риск, который отражается на уровне процентных ставок; в результате плодами стабильности в полной мере пользуются европейские предприятия и домохозяйства: низкие значения долгосрочных процентных ставок создают весьма благоприятные условия для инвестиций и экономического роста в целом;

– евро способствует ускорению финансовой интеграции Евросоюза: сегодня многие сегменты финансового рынка характеризуются достаточной глубиной и ликвидностью, что гарантирует лучшее распределение ресурсов и рисков;

– евро играет роль второй в мире (после доллара США) валюты, обслуживающей международный торговый и финансовый оборот.

Прямое воздействие евро на рынок капиталов проявилось в снижении валютных рисков и устранении организационно-технических, правовых и регулирующих препятствий на территории зоны евро, которые в прошлом приводили к сегментации и разобщенности национальных рынков. Европейский финансовый рынок стал более крупным и однородным [10].

Единая европейская валюта быстро и прочно утвердилась как вторая по значению в мире международная валюта, превзойдя не только те европейские денежные единицы, которые она заменила, но также фунт стерлингов и японскую иену. Произошло это, несмотря на то что ЕЦБ не пытался стимулировать применение евро за границей. Усиление роли евро в качестве мировой валюты можно рассматривать как одно из свидетельств его надежности. Однако несмотря на единую денежно-кредитную политику ЕЦБ, в 2012 г. в валютном объединении наблюдались существенные различия в темпах инфляции: от 3,4–4,0 % в Италии и Эстонии до 1,4–1,6 % во Франции и Германии. Расхождения в темпах инфляции неизбежны вследствие сохраняющихся структурных диспропорций и представляют собой один из ключевых механизмов адаптации национальных экономик к различного рода шоковым воздействиям.

Очевидно, входящие в ЕВС страны не составляют оптимальную валютную зону. Теоретические представления о такой зоне были разработаны в начале 1960-х годов канадским экономистом Р. Манделлом, впоследствии лауреатом Нобелевской премии. Согласно теории, введение единой валюты желательно, если потеря гибкости курса не затрудняет адаптацию страны к внешним шокам, нарушающим макроэкономическое равновесие. Иными словами, когда страна вступает в валютный союз, она теряет возможность менять курс национальной валюты, который выполняет в экономике функцию автоматического стабилизатора. В периоды спада курс снижается из-за возникновения отрицательного сальдо платежного баланса. Однако удешевление национальной валюты по отношению к валютам стран – торговых партнеров – стимулирует экспорт, что помогает стране компенсировать сужение внутреннего спроса и содействует выходу из кризиса. Если страна лишается такого амортизатора, то она должна иметь другие рычаги расширения спроса и борьбы с безработицей в случае спада [11].

Будущее развитие зоны евро во многом зависит от ответов на следующие вопросы:

– имеет ли валютная интеграция долгосрочный характер; каковы перспективы расширения зоны евро;

– может ли евро стать моделью для других регионов мира;

– может ли ЕВС привести к большей политической интеграции?

В материалах ЕЦБ представлен подробный, основанный на данных макроэкономической статистики 98 центральных банков мира анализ масштабов использования в различных регионах доллара, евро и иены в качестве резервного актива. Он свидетельствует, что в 2011 году при изменении динамики курсов мировых валют абсолютный прирост резервов, выраженных в евро, впервые за всю историю превысил прирост резервов, сформированных в долларах США.

Прирост международных резервов, номинированных в евро, помимо курсового фактора, был и будет в дальнейшем обусловлен несколькими причинами. Во-первых, к 2011 году процесс глобализации финансовых рынков вошел в решающую стадию. Исчезновение барьеров на пути движения капиталов и повсеместная либерализация валютных режимов значительно осложнили для правительств задачу поддержания стабильности валютных курсов. У рыночных спекулянтов, наоборот, возможности проведения атак на ту или иную валюту многократно умножились. Для обеспечения достаточной защиты своей денежной единицы национальным властям сегодня требуется гораздо больше валютных накоплений, чем раньше. В первую очередь это относится к валютам развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Во-вторых, вследствие распада советского блока валюты бывших социалистических стран перестали быть замкнутыми. Большинство правительств поставили целью как можно скорее перейти к полной конвертируемости национальных денежных единиц. Поддержание рыночного курса денежной единицы в условиях либерального валютного режима создает необходимость в больших резервах, чем это требуется при плановой экономике, когда национальные деньги не являются предметом купли-продажи.

В-третьих, на формирование структуры валютных резервов оказывают влияние и страновые особенности. Резервы зоны евро в 4 раза превышают резервы США и составляют почти 20 % валютных запасов промышленных государств, что способствует увеличению в них доли евро и снижению доли других валют. Япония располагает четвертью валютных накоплений промышленных государств, поэтому структура ее валютных резервов оказывает решающее влияние на общую структуру резервов всех промышленных стран.

В-четвертых, потребность центральных банков в наращивании резервов в евро будет увеличиваться в связи с проведением валютных интервенций в тех странах, которые либо уже привязали, либо намерены привязать курсы национальных валют к единой европейской валюте. Помимо этого, в последние годы правительства многих стран стали требовать от центральных банков, накопивших огромные валютные резервы, чтобы они вкладывали их в высокодоходные финансовые операции с целью извлечения прибыли. В результате способы управления официальными валютными резервами начинают все больше сближаться со способами, используемыми частными фондами. Диверсификация валютных резервов за счет евро способствует усилению гибкости инвестиционной политики той или иной страны, открывая доступ на значительный по объему европейский финансовый рынок.

В-пятых, немаловажным фактором дальнейшего развития евро является усиление его роли на валютных рынках. Речь идет, в частности, об участии евро в обслуживании расчетов, связанных с торговлей между ЕС и Россией: в 2012 г. Россия оплачивала в евро 50,8 % импорта из ЕС (против 15 % в 2007 г.), а Евросоюз – 25,6 % товаров, получаемых из России (против 12,4 % в 2007 г.). Подобные изменения в цифрах имеют значение не только для валютного рынка, но и для роли евро как резервной валюты.

На практике центральные банки стараются поддерживать соответствие между валютной структурой резервов и валютной структурой платежного баланса. Поэтому двукратный рост доли евро в валютной структуре платежных операций резидентов России может привести к росту доли евро в валютных резервах Банка России. Поскольку Россия аккумулирует около 13,43 % всех золотовалютных резервов промышленных государств, или 4,54 % всех валютных резервов в мире, такое изменение приведет к значимому увеличению роли евро как резервной валюты. Наконец, в последнее время все большее влияние на международные финансовые потоки оказывает политика стран – экспортеров нефти [10].

Экономия на масштабах, снижение транзакционных издержек и удобства, связанные с наличием более широкого спектра финансовых инструментов, служат сильным стимулом для экономических агентов продолжать пользоваться евро. На будущее евро как международной валюты могут повлиять еще два фактора. Во-первых, существенно, насколько сильной и быстрой будет корректировка

глобальных дисбалансов, в первую очередь между глобальными сбережениями, инвестициями и потреблением.

Вторым фактором является быстрый экономический рост Китая и Индии и накопление резервов в иностранной валюте странами Азии. Дальнейший подъем экономики Китая и Индии приведет к уменьшению влияния зоны евро и к смещению акцента в торговле и в операциях с капиталом на валюты этих двух стран. Однако в обозримом будущем вряд ли расширение международного использования их валют будет происходить такими же темпами, как рост их экономики.

Чтобы евро стал действительно мировой валютой, он должен расширить границы своего применения в международных операциях, выйдя за пределы региона, непосредственно прилегающего к зоне евро. В долгосрочном плане способность евро решить эту задачу будет во многом зависеть от преодоления структурных и других трудностей, стоящих на пути экономического роста и интеграции финансовых рынков. Важную роль также должна играть способность ЕС выступать единым фронтом на международной арене, в том числе по международным финансовым вопросам.

Начиная с 1999 года, евро играет позитивную роль в развитии внешнеэкономических отношений как в рамках зоны евро, так и за ее пределами. Эти результаты совпали с процессом конвергенции цен в странах зоны евро, что приводит к снижению общего уровня цен, в том числе импортных. Введение евро стимулировало внутреннюю конкуренцию в зоне евро, способствующую повышению восстановительного экономического роста ЕС. Введение евро привело к интенсификации потоков капитала в рамках зоны евро, что ускорило процессы финансовой интеграции, а также слияний и поглощений промышленных компаний и банков. В будущем эти процессы сохранятся, распространяясь за пределы зоны евро. Создание ЕВС является динамичным процессом: в его состав могут войти новые страны ЕС, соответствующие Маастрихтским критериям. Опыт валютной интеграции в ЕС вызывает значительный интерес во всем мире, особенно у стран СНГ. Однако ответить на вопрос о возможности его использования в других регионах мира трудно.

С момента своего возникновения в 1999 г. евро сразу стал «международной» валютой, поскольку заменил национальные валюты 11 стран-членов зоны евро. Заменяя, например, немецкую марку или французский франк, евро немедленно стал использоваться как резервная валюта в центральных банках или как валюта, к которой привязывались курсы некоторых национальных валют. Но сегодня международная роль евро значительно сильнее. Доля евро в мировых валютных резервах гораздо больше, чем сумма долей валют, которые он заменил (например, доля немецкой марки в мировых валютных резервах составляла на конец 1998 года 18 %). По данным МВФ, доля евро в мировых валютных резервах колеблется вокруг 25 %.

Также следует отметить, что превращение валюты в международную создаёт для региона и входящих в него стран не только преимущества, но и риски, повышает ответственность, так как эмитент становится более уязвимым перед лицом колебаний обменных курсов валют, подрывающих финансовую и макроэкономическую стабильность и ограничивающих выбор возможных мер монетарной политики. Кроме того, быстрое повышение курса евро невыгодно европейским производителям, поскольку ведёт к удорожанию экспорта, снижая его конкурентоспособность по сравнению с американскими и азиатскими товарами, что, в свою очередь, тормозит экономический рост [12].

Рынок евро в России

В документе Банка России «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2012 год и период 2013 и 2014 годы» отмечается, что присутствие Банка России на валютном рынке может быть строго ограниченным и нацеленным на сглаживание амплитуды резких курсовых колебаний, а также на защиту рубля от массивных спекулятивных атак в случае их возникновения. В дальнейшем он планирует перейти к режиму плавающего валютного курса, а до этого

по-прежнему использовать бивалютную корзину в качестве операционного ориентира денежно-кредитного регулирования. Последовательное сокращение прямого вмешательства Банка России в процессы курсообразования будет способствовать повышению эффективности работы процентного канала трансмиссионного механизма (transmission mechanism) монетарной сферы. В связи с этим политика управления процентными ставками станет ключевой в денежно-кредитном регулировании.

Доля доллара США на российском межбанковском валютном рынке составляет 50 %, тогда как доля российского рубля меняется в интервале от 30 до 40 %. Ситуация, когда национальная валюта занимает менее половины национального валютного рынка, характерна для многих стран с переходной экономикой и невысокой степенью интернационализации национальной денежной единицы. Это является частью процесса вытеснения наиболее сильными валютами (которые в полной мере выполняют денежные функции за пределами страны-эмитента и потому пользуются спросом со стороны нерезидентов) более слабых (не способных выполнять денежные функции за рубежом) из потенциальных сфер их обращения.

На протяжении последних двух лет удельный вес евро, с одной стороны, и рубля – с другой, обратно пропорциональны друг другу. Увеличение доли рубля на отечественном валютном рынке совпадало с соответствующим сокращением доли евро и наоборот. Объяснение данного феномена состоит как раз в том, что операции с евро лишь в малой степени представлены парой евро–рубли и в основном состоят из сделок евро–доллар и евро–фунт стерлингов (или евро–японская иена). Поэтому, когда обороты с евро уменьшаются, относительная значимость операций с долларом растёт. А так как именно они дают основную часть рублевых сделок, то и доля российского рубля тоже повышается.

Таким образом, усиление роли евро на российском финансовом рынке не только открывает новые горизонты по управлению инвестициями и привлечению средств, но и ставит новые задачи практически перед всеми субъектами экономики Российской Федерации. Так, Центральному банку предстоит создать новую систему управления курсом национальной валюты, позволяющую более гибко реагировать на возможные резкие колебания курсов валют на международных рынках, не порождая ажиотажа на российском рынке, и гарантирующую макроэкономическую стабильность в условиях биполярного валютно-финансового рынка. Министерству финансов придется вносить коррективы в бюджет, поскольку укрепление рубля относительно бивалютной корзины будет снижать доходы от экспорта и влиять на расходы по обслуживанию внешнего государственного долга.

Еще одно из важнейших следствий увеличения значения евро на российском финансовом рынке заключается в возникающей благодаря дедолларизации экономики возможности усиления роли рубля. Последние годы реальный эффективный валютный курс рубля постоянно растет, эффективная доходность вкладов в рублях сегодня выше доходности любых валютных вкладов. По мере того как евро будет все более утверждаться в статусе международной валюты, её влияние на российскую экономику будет расти. Однако это влияние является до известной степени обоюдным: увеличение роли евро на российском рынке может иметь довольно существенные последствия для европейских финансовых рынков. Одна из главных перспектив в этом отношении связана с интересами российских нефтяных компаний, способных оказать решающее влияние на то, в какой валюте будут котироваться контракты на мировом рынке нефти. Аналогичные процессы будут происходить и в отношениях Евросоюза со странами Ближнего Востока, с которыми у него также имеются значительные торговые связи.

С 2000 по 2011 гг. средняя доля импорта товаров из Европейского союза в общем объеме импорта стран, расположенных на Ближнем Востоке и в Северной Африке, составила 44 %. Центральные банки этих стран объективно будут стремиться поддерживать фиксированный курс национальных валют относительно евро. Соответственно, производители нефти и нефтепродуктов в этих странах заинтересованы в образовании нового нефтяного рынка, на котором котировки будут осуществляться в евро, а не в долларах США. Если подобные примеры будут иметь место, это откроет

единой валюте путь на рынки энергоносителей и другого сырья, что имеет огромное коммерческое и стратегическое значение для стран Экономического и валютного союза.

Кроме продавцов нефти из России и стран Ближнего Востока, практически все операторы из Европейского союза желали бы исключить валютный риск и получить котировки нефти в евро. Зона евро импортирует около 75 % потребляемой нефти и нефтепродуктов. При этом страны Ближнего Востока и СНГ, ближайшие торговые партнеры зоны евро, суммарно владеют более 80 % мировых резервов нефти. В этих условиях существующая взаимная заинтересованность в создании сегмента, в рамках которого нефть котировалась бы в евро, действительно может привести к изменению правил определения цен на всем мировом энергетическом рынке. Исчезновение валютных рисков с европейских товарных рынков приведет к снижению расходов и повышению долгосрочной стабильности цен и, более того, может стать важным фактором макроэкономической стабильности в ЕС. Последнее положительно скажется на экономике России, а создание рынка нефти и газа в единой европейской валюте способно послужить дальнейшему развитию торгово-экономических отношений между Россией и ЕС. И главное: поскольку роль валюты как меры стоимости на сырьевых рынках оказывает влияние на ее международное значение, то ожидаемое увеличение роли евро на рынках России и стран Ближнего Востока может привести к резкому росту значения евро и на международных финансовых рынках.

Нынешние относительно благоприятные для евро условия на международных финансовых рынках не гарантированы на будущее; ситуация ухудшится, если будет нарушена стабильность экономического роста. Политика обменного курса не может заменить необходимых изменений в реальной экономике. Если правительства стран зоны евро не продолжат реформы экономики, рынков труда, единой сельскохозяйственной и налоговой политики, то обвинения в некомпетентности ЕЦБ многократно усилятся, что снизит доверие к его монетарной политике и соответственно к евро.

Хотя в настоящее время евро является второй по значению иностранной валютой в России, по многим макроэкономическим показателям евро значительно уступает доллару. Несмотря на поступательный рост оборотов, его доля на наличном и безналичном рынках нашей страны не превышает 20 %. Главными препятствиями для дальнейшего расширения торговли евро в России являются: небольшой спрос со стороны российских операторов и недостаточная ликвидность рынка евро-рубли. Решение обеих этих проблем займет по меньшей мере пять-десять лет.

Рост же спроса на евро со стороны банков и предприятий Российской Федерации возможен только по мере увеличения объемов отечественного импорта, номинированного в этой валюте. Данный процесс постепенно набирает силу, так как поставщики из стран зоны евро все больше настаивают на заключении контрактов в единой валюте. Что касается российского экспорта, то если Россия начнет использовать евро в качестве средства платежа в нефтяных контрактах (а доллар останется в них валютой цены), это вызовет необходимость конвертировать полученные евро в рубли и, следовательно, заметно оживит торговлю в паре рубль-евро.

Вместе с тем более широкое внедрение евро во внешнеторговую практику российских предприятий необязательно приведет к существенному изменению структуры рынка евро в России. Подавляющая его часть приходится на пару евро-доллар. И это неслучайно: данные валюты являются самыми торгуемыми в мире, в результате чего ликвидность рассматриваемого сегмента мирового валютного рынка наивысшая, а издержки минимальные. В этом смысле привлекательность сделок евро-рубли для российских операторов едва ли в ближайшие годы сравняется с привлекательностью сделок евро-доллар, хотя и здесь возможны положительные сдвиги [10].

Однако существенно осложнили внешнеэкономическое положение России протестированные США и объявленные рядом стран Запада экономические санкции и симметричный ответ на них правительства нашей страны. Механизм торговой войны исторически представляет собой один из наиболее эффективных административных методов конкурентной борьбы в системе мирохозяйственных связей. При этом

основная ось международной конкуренции проходит не столько между Европой и Россией (последняя в существенной степени зависит от диверсифицированного по товарной структуре импорта из Европы, поставок энергоносителей и иных сырьевых товаров, а также от европейского финансового рынка и оффшоров), сколько между ЕС и США как центрами силы глобальной экономической системы. Отношения между ними с рубежа XX–XXI вв. осложнены непрекращающейся валютной войной (постоянное занижение курса евро к доллару США) и периодически осложняются иными административно-конкурентными всплесками («стальная война»).

Вместе с тем события, произошедшие на валютном рынке в конце 2014 г., тоже начались не внезапно. Центральный банк РФ фактически дважды их анонсировал – сначала в «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 и период 2015 и 2016 годов», а затем – в проекте аналогичного документа на 2015–2017 годы (Банк России, 2013; 2014). В этих документах таргетирование инфляции («обеспечение ценовой стабильности») выступало одновременно и программой–минимум и программой–максимум регулирования финансового рынка. Валютный сегмент рынка Банк России смело отдавал в ведение «фундаментальных факторов» свободного рыночного курсообразования («плавающий курс»). За рамками многочисленных теоретических рассуждений об избранной политике остался один важный вопрос: как именно плавающий валютный курс (современная глобальная инфляционная модель экономического роста и практически постоянная «валютная война» со стороны доллара США предопределяют тенденции к падению национальных и региональных валют против доллара) мог бы содействовать достижению цели, заявленной Банком России в качестве основной, — обеспечению ценовой стабильности в экономике, существенно зависящей от импорта? Несомненно, всплеск на валютном рынке, начавшийся осенью и продолжавшийся до декабря 2014 года включительно, в существенной степени был обязан своим развитием спекулятивному фактору. Но вряд ли спекулятивный фактор стал причиной этого всплеска. Нет сомнений, что этот всплеск связан с нефтяным фактором, как его ни расценивать. Санкции также в определенной степени изменили соотношение спроса и предложения на российском валютном рынке.

Объективные обстоятельства заставляют сделать вывод, что среди факторов, определивших направление и скорость движения курса рубля в течение 2014 г., особенно осенью, большую роль сыграл фактор субъективный, в частности, официально объявленный Банком России переход к свободному рыночному курсообразованию. На таком негативном фоне валютные интервенции в существенной степени потеряли регулятивный потенциал. С начала года международные резервы Банка России сократились с 509,6 млрд долл. (на 01.01.2014) до 385,5 млрд (на 01.01.2015) — на 24,4 %, причем в основном за счет операций, а не курсовых разниц.

Можно согласиться с решением Совета директоров ЦБ РФ от 6 ноября 2014 г. о фактическом прекращении интервенций: слишком высоки затраты (в октябре резервы уменьшились на 25,6 млрд долл. — столь значительного снижения не наблюдалось с 2009 г.; в первые две недели ноября — на 8 млрд долл.) и слишком ненадежен результат. Продолжение интервенций могло поставить под вопрос достаточность резервов для удовлетворения спроса на валюту в ближайшей перспективе.

Учитывая прогнозы аналитиков, которые считают, что режим санкций может сохраниться до конца 2017 г., необходимо признать, что заимствовать на внешнем рынке для рефинансирования долговых обязательств также будет невозможно. С учётом этой перспективы экономия валютных резервов понятна: их должно хватить, чтобы обеспечить соответствующий объем предложения валюты на внутреннем рынке в период, когда ее будут выкупать банки и фирмы для обслуживания и погашения внешнего долга. Кроме того, никто не отменял неофициальное расчетное правило поддерживать золотовалютные резервы на уровне трехмесячного (или шестимесячного) импорта. (В России это 60–80 млрд долл., которые нужно добавить к нуждам обслуживания внешней задолженности.) В данном контексте отказ от интервенций можно считать даже краткосрочной «противодефолтной» мерой. Конечно,

её следствием будет дефицит валюты на рынке и соответствующий рост курсов иностранных валют [13].

Таким образом, опыт и макроэкономические результаты в зоне евро позволяют сделать важные выводы для курсовой политики России. Чтобы рубль оставался ее национальной валютой, государству необходимо целенаправленно повышать его ликвидность. Рубль должен полноценно выполнять функции денег на внутреннем рынке, а в перспективе – на внешнем. Для этого требуется обеспечить максимально широкую сферу обращения рубля и добиться долгосрочной стабилизации его валютного курса. По своей ликвидности рубль еще долгое время будет уступать доллару США и другим иностранным валютам, что на фоне его низкой интернационализации создает объективные предпосылки для колебаний реального эффективного валютного курса. В сложившейся ситуации предметом особой заботы денежных властей должно быть поддержание равновесия между спросом и предложением на внутреннем валютном рынке, в том числе при помощи валютных ограничений.

Ссылки / Reference

- [1] Википедия: свободная энциклопедия : электронный ресурс.
URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Валютный_союз.
- [2] Общая евразийская валюта – лучший ответ кризису // Сибирское Информационное Агентство : портал SIA.RU.
URL: http://sia.ru/?section=2851&action=show_news&id=308644.
- [3] Девальвация юаня запустит новый цикл «валютных войн» // Информационное агентство «РБК» : сайт.
URL: <http://top.rbc.ru/economics/11/08/2015/55c9bda79a7947c5f4c65684>.
- [4] Золотухина Т. Интеграционные процессы в Европе: введение единой валюты // Вопросы экономики. 1998. № 9. С. 121–135.
- [5] Мау В. Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 5–31.
- [6] Сапир Ж. Кризис еврозоны и перспективы евро // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3. С. 3–18.
- [7] Мау В., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. 2014. № 11. С. 4–24.
- [8] Шарова Е. А. Перспективы развития экономики Европейского союза // РИСИ : сайт. 13.11.2013 г. URL: <http://riss.ru/analitics/4279/>.
- [9] Могадам Р. Перспективы развития экономики Европы : Доклад директора Европейского департамента МВФ по итогам пресс-конференции 11.04.2014 г. // Международный валютный фонд : сайт.
URL: <http://www.imf.org/external/russian/np/blog/2014/041114r.pdf>.
- [10] Кондратов Д. И. Международный рынок евро: проблемы и перспективы развития // Экономический журнал ВШЭ. 2013. № 2. С. 264–299.
- [11] Буторина О. В. Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 98–115.
- [12] Кондратов Д. И. Международный рынок евро: проблемы и перспективы развития (часть 2) // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 6. С. 53–72.
- [13] Симонов В. В. Антироссийские санкции и системный кризис мировой экономики // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 49–68.

УДК 657

**Интегрированная отчетность
и её место в системе
корпоративных отчетов**

Ю. В. Новожилова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: bakevnl@mail.ru

Научная статья

В статье обоснована потребность уточнения дефиниции «интегрированная отчетность». Сформирован авторский подход к трактовке данного понятия. Определено место и значение интегрированной отчетности в системе видов корпоративных отчетов.

Ключевые слова: интегрированная отчетность; корпоративная отчетность; социальный отчет; экологический отчет; отчет в области устойчивого развития.

**Integrated reporting and its place
in the system of corporate reports**

J. V. Novozhilova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The need for clarification of the definition of «integrated reporting» is substantiated in the article. The author's approach to the interpretation of this concept is formed. The author defines the place and importance of integrated reporting in the corporate reports.

Keywords: integrated reporting; corporate reporting; social report; environmental report; sustainability report.

Последние глобальные вызовы в виде мирового финансового кризиса и растущей геополитической напряженности показывают востребованность в углубленной информации о деятельности экономического субъекта. С развитием международных экономических отношений процесс изменения подходов к формату предоставления и раскрытия данных об организациях становится естественным, поскольку обеспечивает учет актуальных тенденций внешней среды и потребностей заинтересованных лиц, связанных с принятием ими управленческих решений. Одним из перспективных направлений развития корпоративной отчетности является внедрение практики разработки интегрированной отчетности в жизнедеятельность компаний, которая на протяжении последних лет постепенно усиливается. Этому способствует опубликованная «версия 1.0» Международного стандарта по интегрированной отчетности (International<IR>Framework, далее – МСИО), которая заложила концептуальную основу для её подготовки. Несмотря на это, целый ряд серьезных вопросов нуждается в углубленном научном исследовании и требует последовательного разрешения. Актуальными представляются исследования проблем, связанные с концептуальной базой построения интегрированной отчетности, понятийным аппаратом, показателями её содержания и корректной методикой их анализа. Повышенного внимания заслуживают проблемы выработки единой терминологии по вопросам формирования интегрированной отчетности, установления взаимосвязи между различными видами существующих отчетов, уточнения целей их предоставления. Именно поэтому поставлена задача исследования дефиниции «интегрированная отчетность» и её места в системе корпоративной отчетности.

Несмотря на растущее внимание исследователей к интегрированной отчетности, недостаточно научных работ, посвященных вопросам выработки единообразного сущностного понимания данного термина, его детализации, определения значимых элементов в контексте построения устойчиво функционирующего бизнеса. Дискуссии относительно содержания рассматриваемой экономической категории являются актуальными. Общей тенденцией как для отечественных, так и зарубежных авторов является ссылка на определение, данное в МСИО: «интегрированная отчетность – процесс, основанный на интегрированном мышлении, в результате которого создаётся периодический интегрированный отчет организации о создании стоимости в течение долгого времени и связанные с ним документы, относящиеся к аспектам создания

стоимости» [1, с. 36]. В то же время авторы (М. В. Дузь, Н. В. Малиновская, Н. А. Лоханова, С. В. Левичева и Н. В. Пислегина, Ю. И. Сигидов и Д. А. Настенко, Н. Н. Шамонин, Н. Н. Балашова, В. А. Мелихов, О. В. Ефимова, М. А. Вахрушина, О. В. Соловьева, А. Н. Черников, О. А. Черникова, С. Адамс и Р. Симнет) приводят своё видение дефиниции.

Для формирования собственной позиции на определение понятия «интегрированная отчетность» установлены и систематизированы следующие её черты, которые чаще всего встречаются в трактовках данного термина:

1) новый, инновационный, эволюционный тип отчетности (инструмент или подход);

2) форма корпоративной отчетности или вид социального отчета;

3) отражение показателей или выдержек из финансовой и управленческой отчетности, отчетов о корпоративном управлении и вознаграждениях, в области устойчивого развития;

4) перечисление элементов содержания отчетности, начиная с финансовой и заканчивая нефинансовой информацией;

5) отражение связи с концепцией интегрированного мышления;

6) отражение целевой направленности интегрированной отчетности: нацелена на обеспечение взаимодействия с внешними партнёрами, на раскрытие информации о стратегии и бизнес-модели организации и т. д.

Каждая черта отражает отдельные аспекты понятия «интегрированная отчетность», из которых складывается экономическое знание о рассматриваемом феномене. Отсутствуют сомнения в том, что она является новым и инновационным видом отчётности. Так, авторы отмечают, что интегрированная отчетность – это новый подход, который может представлять следующий этап эволюции учета, новая парадигма бухгалтерского учета (С. Адамс, Р. Симнет [2]), а также новый способ информирования всех заинтересованных сторон о деятельности корпораций (О. В. Соловьева [3]). Н. В. Малиновская [4] отмечает инновационный характер интегрированной отчетности, её направленность на обеспечение финансовой стабильности и устойчивой практики ведения бизнеса. Таким образом, считаем, что в определении изучаемого термина необходимо подчеркивать инновационный аспект, поскольку данный формат предоставления информации кардинально отличается от существующих. Новшество интегрированной отчётности заключается в её целевой функции, а именно в ориентированности на раскрытие процесса создания стоимости компании на протяжении долгого времени. На наш взгляд, такая отчетность обеспечивает качественный рост подотчетности компании и не может трактоваться как простое объединение выдержек из разных видов отчетов или данных финансового и нефинансового характера.

Для выработки корректной трактовки понятия «интегрированная отчетность» необходимо определить её место и роль в системе корпоративных отчетов. По нашему мнению, важным является выявление её сути и содержания через установление взаимосвязи с корпоративной отчетностью. Следует отметить, что понятие корпоративной отчетности в России появилось сравнительно недавно. При этом изначально под ним подразумевалась исключительно консолидированная финансовая отчетность, но позднее оно стало включать в себя отчетность корпораций с социальными, экологическими и другими нефинансовыми показателями и их совокупность, а также внутреннюю управленческую отчетность [5, с. 747]. В современной научной среде не выработано единого мнения о трактовке термина «корпоративная отчетность». Так, С. В. Смирнов и В. Н. Щербаков считают, что система корпоративной отчетности определяется как «концепция интеграции заботы о социальном и экологическом развитии в бизнес-операциях компаний во взаимодействии со своими акционерами и внешней средой» [6, с. 62]. И. В. Алексеева и Р. Г. Осипова определяют её как «комплекс отчетов, содержащий достаточно полную информацию о результатах деятельности организации, перспективных планах её развития, позволяющий вести диалог с заинтересованными сторонами и укреплять их доверие» [7, с. 33].

В основе понятия «корпоративная отчетность» лежит слово «корпорация», которое в соответствии со ст. 65.1 Гражданского кодекса Российской Федерации означает юридическое лицо, учредители которого обладают правом участия в них и формируют их высший орган. Для целей нашего исследования будем определять корпоративную отчетность как отчетность корпораций, которая представляет собой свод показателей, отражающий различные стороны их деятельности за определенный отчетный период, и в зависимости от цели её разработки направлена на удовлетворение интересов разнородных групп заинтересованных лиц. В отличие от вышеуказанных определений данная трактовка подчеркивает целевую направленность форм корпоративных отчетов, что очень важно для их выделения и дальнейшей классификации.

Следует подчеркнуть, что проблеме классификации корпоративной отчетности не уделено достаточно внимания. «В экономической литературе современного периода исследованию непосредственно форм корпоративной отчетности и их эффективности посвящено лишь несколько трудов таких отечественных ученых, как И. Ф. Ветровой, Е. В. Никифоровой, Р. Г. Каспиной, А. Н. Хорина, Л. З. Шнейдмана, Н. Г. Сапожниковой» [7, с. 29]. Однако в работах указанных авторов не делается акцент на систематизацию видов корпоративной отчетности. Г. И. Пашигорева и В. В. Шмаль в своей статье обосновывают необходимость разработки классификационных признаков формирования корпоративной отчетности в контексте ее структуры и содержания и предлагают следующие признаки её классификации: охват видов деятельности, цель составления, пользователи информации, устойчивость состава показателей, периодичность составления, формат отчетности, источники информации [8, с. 37–39]. Таким образом, для определения места интегрированной отчетности в системе корпоративных отчетов необходимо выбрать классификационные признаки, отражающие существенные их различия.

Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» устанавливает формирование бухгалтерской (финансовой) отчетности, которая «должна давать достоверное представление о финансовом положении экономического субъекта на отчетную дату, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период, необходимое пользователям этой отчетности для принятия экономических решений». В то же время Федеральный закон от 27.07.2010 № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» утверждает общие требования к её составлению, представлению и публикации организацией, которая вместе с другими организациями в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (*далее* – МСФО) определяется как группа. Следовательно, наиболее распространёнными и законодательно регулируемые форматы отчетности являются бухгалтерская (финансовая) и консолидированная финансовая отчетность. В основе их выделения лежит классификационный признак «по степени обобщения отчетной информации». Общепринятым является разделение видов отчетности на индивидуальную и консолидированную, некоторые авторы выделяют сводную отчетность. Следовательно, на наш взгляд, по данному классификационному признаку может быть подразделена вся корпоративная отчетность.

Для целей данного исследования важно выделить классификационный признак «в зависимости от характера раскрываемой информации в корпоративной отчетности» и подразделить её на:

- 1) отчетность с финансовыми показателями (например, бухгалтерская (финансовая) отчетность);
- 2) отчетность с финансовыми и нефинансовыми показателями (например, интегрированная отчетность);
- 3) отчетность с нефинансовыми показателями (например, экологическая отчетность).

Таким образом, на наш взгляд, можно определить интегрированную отчетность как корпоративную отчетность в виде индивидуальной или консолидированной с отражением финансовой и нефинансовой информации. Её могут формировать отдельные компании – в этом случае она будет индивидуальной. Однако в России такую

отчетность формируют в большей степени крупнейшие корпорации. Примером служит Госкорпорация «Росатом», которая объединяет более 360 предприятий атомной отрасли. Тем самым, интегрированную отчетность крупнейших корпораций, представляющих собой группу взаимосвязанных компаний, можно назвать консолидированной.

С другой стороны, общей тенденцией является деление корпоративной отчетности на финансовую и нефинансовую. Однако не выработана единая позиция на классификацию и закрепление наименований видов нефинансовых отчетов. Так, в публикациях встречаются разные понятия: «нефинансовая отчетность», «корпоративная социальная отчетность», «социально ответственная отчетность», «социальная отчетность», «социальная и экологическая отчетность» (табл. 1).

Таблица 1

Систематизация взглядов авторов на состав корпоративной отчетности
(составлено и обобщено автором на основе источников, указанных в таблице)

№ п/п	Автор	Взгляд авторов на определения понятия отчетности, отражающей данные нефинансового характера, и состав корпоративной отчетности
1-й подход: основан на перечислении существующих на практике видов отчетности без отражения взаимосвязи между ними		
1	И. В. Алексеева, Р. Г. Осипова [7]	Отмечают тенденцию формирования отчетности, содержащую финансовую и нефинансовую информацию, к которым относят отчетность в области устойчивого развития, отчетность по корпоративной социальной ответственности, отчетность по корпоративному управлению, интегрированную отчетность.
2	М. А. Вахрушина, Н. В. Малиновская [9]	«В настоящее время организации составляют различные виды отчетности: финансовую, управленческую, налоговую, статистическую, отчетность в области устойчивого развития, интегрированную отчетность, которые различаются прежде всего по целевой направленности информационных потребностей заинтересованных пользователей».
2-й подход: основан на выделении основных форм отчетности		
3	О. В. Соловьева [3]	Основная тенденция развития корпоративной отчетности – переход от финансовой отчетности в узком смысле к интегрированной отчетности, которая бы состояла из финансовой отчетности в широком смысле, включающую ещё прочую информацию, и отчетности об устойчивости.
3-й подход: основан на сравнении интегрированной отчетности с традиционной, при этом в последнюю авторы вкладывают разный смысл		
4	В. Г. Гетьман [10]	«Интегрированная отчетность существенно отличается от обычной, финансовой. В отличие от последней она содержит важную информацию, важную для управления не только финансовым, но и другими указанными видами капитала...».
5	В. Г. Когденко, М. В. Мельник [11]	«Корпоративная отчетность будущего – это интегрированная отчетность». Приводят ключевые различия между интегрированной и традиционной финансовой отчетностью.
6	О. А. Кузьменко, М. В. Абросимова [12]	Существуют различия между интегрированным и комбинированным (традиционным) отчетом, которые включают в себя финансовую и нефинансовую информацию. Отличием интегрированной отчетности является объединение в единый документ финансовой отчетности, примечаний руководства, отчета о корпоративном управлении и вознаграждениях, отчета об устойчивом развитии так, чтобы информация была связанной, краткой и т. д.

На основе таблицы можно сделать вывод о разнородности взглядов авторов на состав корпоративной отчетности и названия её видов. И. В. Алексеева, Р. Г. Осипова, М. А. Вахрушина, Н. В. Малиновская отражают существующие на практике виды отчетности, однако не производят их систематизацию (1-й подход). При этом М. А. Вахрушина и Н. В. Малиновская [9] рассматривают отдельно финансовую отчетность, отчет в области устойчивого развития (отмечают, что для его обозначения в научной литературе и практической деятельности широко применяются термины «социальная отчетность», «нефинансовая отчетность»), интегрированную отчетность. О. В. Соловьева выделяет интегрированную как отчетность более высокого порядка (2-й подход). Ряд работ таких авторов, как В. Г. Гетьман, В. Г. Когденко, М. В. Мельник, О. А. Кузьменко, М. В. Абросимова, основан на сравнительном подходе, в котором выделяются основные различия между интегрированной и финансовой отчетностью либо комбинированным отчетом (3-й подход).

Отсутствие общепринятой классификации существующих видов корпоративных отчетов порождает задачу их систематизации и определения места интегрированной отчетности в ней (рис. 1).

Рисунок 1. Авторская классификация видов корпоративной отчетности в России

На рисунке отражена авторская точка зрения, согласно которой корпоративная отчетность подразделяется на финансовую и нефинансовую. Первая представляет собой систему сбора информации об имущественном и финансовом состоянии организации и о результатах её хозяйственной деятельности. В рамках предложенной выше классификации это отчетность с финансовыми показателями. Ко второй будем относить отчетность, охватывающую экономические, экологические и социальные аспекты деятельности компании, что требует раскрытия данных нефинансового характера (соответствует второй и третьей группе вышеуказанных видов отчетности).

Под отчетностью автором понимается процесс, построенный на выбранном типе мышления и заложенной в его основу концепции, в результате которого создается периодический отчет организации.

Поясняя предложенную нами классификацию, подчеркнем, что экономические субъекты формируют финансовую отчетность в виде индивидуальной или консолидированной на основе национального законодательства (РПБУ), принятых международных стандартов (закреплено обязательное формирование консолидированной отчетности для отдельных групп компаний по МСФО, по требованию учредителей отчетность может сформирована в формате GAAP).

Из состава нефинансовой отчетности нами выделена корпоративная социальная отчетность, которая отражает социально ответственную практику ведения бизнеса и влияние результатов деятельности компании на жизнь, здоровье и благосостояние граждан, на экологическое состояние окружающей среды с ориентацией на ценности устойчивого развития страны. На наш взгляд, такая отчетность может быть представлена разными видами отчетов. Социальный отчет характеризует деятельность компании прежде всего в области управления персоналом, соблюдения прав человека, практики трудовых отношений, оценки влияния организации на общество, противодействия коррупции и т. д. При этом экологический отчет охватывает воздействие, связанное с потребленными ресурсами и созданными отходами, имеющим отношение к биоразнообразию, транспорту, продукции и услугам, экологическим расходам, соблюдению экологического законодательства. Указанные виды отчетов характеризуются односторонним предоставлением информации (отчетность с нефинансовыми показателями). В отличие от них отчет в области устойчивого развития является наиболее информативным и методически выдержанным. Он отражает экономические показатели, данные социальной и экологической среды организации. Данные виды отчетов могут называться по-разному (экологический и этический отчет, экологический и в области охраны труда и здоровья, об экологии и взаимодействии с местным сообществом, об инвестициях в сообщество, общественный отчет и др.), но, по нашему мнению, предложенные выше варианты названий отчетов отражают их суть.

На наш взгляд, интегрированная отчетность является отчетностью более высокого уровня, поскольку она выходит за рамки простой констатации фактов: в ней отражаются сведения о бизнес-среде организации (внутренней и внешней), прогнозные данные предполагаемых изменений, отчетные результаты деятельности во взаимосвязи с обуславливающими их причинами с целью показать процесс создания стоимости компании. В основе такой отчетности лежит интегрированное мышление, тем самым она отражает комплексный подход к пониманию сущности деятельности компании, способности организации создавать ценность на протяжении времени, видения организации своего будущего и конкретного плана действия по достижению намеченных результатов. Итоговым документом является интегрированный отчет, который отражает результаты работы и коммуникации разных структур фирмы. Поэтому в предложенной классификации интегрированная отчетность обособляется от всех остальных видов нефинансовой отчетности.

По нашему мнению, интегрированная отчетность в отличие от корпоративной социальной отчетности имеет другое целевое назначение. Последняя нацелена на отражение в большей степени идей социально-ориентированного бизнеса. В основе её заложены принципы корпоративной социальной ответственности, когда компании

возлагают на себя ответственность за влияние их деятельности на заинтересованные стороны, а также принципы устойчивого развития, которые направлены на рассмотрение такого влияния с разных сторон. Интегрированная отчетность имеет целью раскрытие процесса создания ценности компании на протяжении времени за счет влияния внутренних и внешних факторов для принятия на этой основе управленческих решений.

Находим значимым выделение ещё одной функциональной черты интегрированной отчётности. Она связана с тем, что экономические субъекты стремятся работать так, чтобы иметь средства для собственного развития и удовлетворения потребностей собственника и общества в целом, а также ориентироваться на будущее и отвечать требованиям устойчивого развития бизнеса. Современное понимание благосостояния – это максимизация стоимости компании. Стремление к этому ведет к росту конкурентных возможностей и преимуществ, а потому способствует долгосрочному устойчивому развитию предприятий. Таким образом, считаем возможным рассматривать интегрированную отчетность как более эффективный подход к формированию корпоративной отчетности, который способен выступать инструментом для устойчивого развития бизнеса. Вместе с тем, с точки зрения теории стейкхолдеров, основанной на положениях достижения целей деятельности организации с учетом интересов различных заинтересованных сторон и растущих информационных потребностей в показателях как финансовых, так и нефинансовых, интегрированную отчетность можно рассматривать как механизм аккумулирования данных о деятельности фирмы с учетом влияния внешней среды с целью принятия заинтересованными лицами на их основе экономических решений. Интегрированная отчетность – это глобальный процесс, отражающий тенденции развития конъюнктуры рынка и его влияние на построение экономическим субъектом устойчивого бизнеса.

Таким образом, на наш взгляд, можно говорить об интегрированной отчетности как об инновационном виде корпоративной отчётности. Считаем возможным уточнить и расширить данное понятие и определить его как глобальный процесс интеграции разнородных сведений о деятельности экономического субъекта, полученных на основе изучения внутренней и внешней бизнес-среды, для формирования целостного представления о функционировании компании, достигнутых результатах и перспективах развития, а также возможностях организации создавать стоимость на протяжении долгого времени с целью создания устойчиво функционирующего бизнеса. Следовательно, данная трактовка подчеркивает значимость интегрированной отчетности в системе корпоративных отчетов, её глобальный интегрирующий характер с целевой направленностью на создание стоимости и, что также очень важно, её способности быть инструментом на пути построения устойчиво функционирующего бизнеса.

Ссылки / Reference

- [1] Международный стандарт по интегрированной отчетности // Integratedreporting : сайт. URL: http://integratedreporting.org/wp-content/uploads/2015/03/13-12-08-THE-INTERNATIONAL-IR-FRAMEWORK.docx_en-US_ru-RU.pdf (дата обращения: 17.01.2016).
- [2] Adams S., Simnett R. Integrated Reporting: An Opportunity for Australia's Not-for-Profit Sector // Australian Accounting Review. 2011. P. 292–301.
- [3] Соловьева О. В. Тенденции развития корпоративной отчетности: интегрированная отчетность // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 35 (281). С. 2–15.
- [4] Малиновская Н. В. Интегрированная отчетность – инновационная модель корпоративной отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 38 (284). С. 12–17.

- [5] Левичева С. В., Пислегина Н. В. Актуальные проблемы подготовки корпоративной отчетности // Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 27 февраля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 747–750.
- [6] Смирнов С. В., Щербаков В. Н., Матисов А. А. Корпоративная отчетность в аспекте устойчивого развития // Экономические системы. 2013. № 5. С. 62–65.
- [7] Алексеева И. В., Осипова Р. Г. Развитие ключевых характеристик дефиниции «корпоративная отчетность» // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 12. С. 25–34.
- [8] Пашигорева Г. И., Шмаль В. В. Классификация корпоративной отчетности // Современное состояние и перспективы развития бухгалтерского учета, экономического анализа и аудита: материалы Международной научно-практической конференции / под науч. редакцией Е. М. Сорокиной. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права. 2013. С. 37–42.
- [9] Вахрушина М. А., Малиновская Н. В. Корпоративная отчетность: новые требования и направления развития // Международный бухгалтерский учет. 2014. N 16. С. 2–9.
- [10] Гетьман В. Г. О концептуальных основах и структуре международного стандарта по интегрированной отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2014. N 44. С. 2–15.
- [11] Когденко В. Г., Мельник М. В. Интегрированная отчетность: вопросы формирования и анализа // Международный бухгалтерский учет. 2014. N 10. С. 2–15.
- [12] Кузьменко О. А., Абросимова М. В. Интегрированная отчетность – новая модель отчетности для российских корпораций // Академический вестник ТГАМЭУП. 2014. №1 (27).

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.35.023.6

Образование пожилых людей как условие и фактор их интеграции в российский социум

И. Ф. Албегова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: alba50@yandex.ru

Научная статья

Исследуется образование как объективное условие и субъективный фактор интеграции пожилых людей в динамичный российский социум. Определяется значимость учета психологии геронтогруппы в организации образования. Описывается опыт организации геронтообразования в Ярославской области.

Ключевые слова: пожилые люди; образование; условие; фактор; геронтообразование; геронтопсихология; технология; метод; общественные организации; проекты.

Education for older people as a condition and a factor of their integration into Russian society

I. F. Albegova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

Examines education as an objective condition and a subjective factor of social integration of the elderly in dynamic of Russian society. Is determined by the value of accounting psychology grantgroup in the organization of education. Describes the experience of organizing gerontophobia in the Yaroslavl region.

Keywords: elderly people; education; condition; factor; moreover; we have gerontopsychology; technology; method; public organizations; projects.

Увеличение количества пожилых людей, их доли и процента в структуре населения, постоянная внутренняя дифференциация являются общемировыми тенденциями, особенно ярко проявляющимися в последнее десятилетие в Российской Федерации: за этот период численность населения старше трудоспособного возраста выросла на 3 миллиона человек. Только в 2013 году она поднялась с 32,4 миллиона до 33,1 миллиона человек [1, с. 30].

Геронтогруппа в современном российском обществе – это сложная и глубоко дифференцированная группа по возрасту, полу, месту жительства, уровню доходов, степени трудоспособности, состоянию физического, психического и социального здоровья, всех видов социальной адаптации и активности в целом [1, с. 31]. Данное обстоятельство обуславливает необходимость изучения процессов интеграции пожилых людей в быстро изменяющееся общество, актуализирует исследование всех факторов, способствующих или препятствующих этим процессам, а также объективизирует проблему анализа социальной практики форсайта адаптации пожилых людей к условиям жизнедеятельности в местном социуме.

В связи с этим целью данной работы является исследование образования как одного из объективных условий и субъективного фактора интеграции пожилых людей в динамичный российский социум.

Образование пожилых людей или геронтообразование как инновация в российской системе формального и неформального образования развивается с учетом психологии данной социально-демографической группы.

В пожилом возрасте у человека происходит изменение психологических потребностей, установок и ценностей, что является результатом естественных физиологических изменений, происходящих в ходе старения организма (перестройка эндокринно-вегетативной системы, постепенное наступление климакса и т. д.), и, в свою очередь, вызывает трансформацию эмоционально-волевой сферы личности. Гормональные нарушения ведут к возникновению у пожилых людей чувств ущербности, неполноценности, стыда, неуравновешенности, раздражительности, сонливости или бессонницы, желания заниматься чем-либо с максимальной отдачей или, наоборот, полной неспособности выполнять какие-либо виды деятельности.

Такие изменения психики характерны не для всех пожилых людей: у некоторых из них до глубокой старости сохраняются оптимистическое настроение и высокая работоспособность. Этому способствуют многие факторы, в том числе упорядоченный образ жизни, овладение специальными методами психической саморегуляции, наличие широкого круга интересов, активная общественная жизнь, благополучная семейная ситуация.

В данном случае одним из методов психической саморегуляции и формой социальной работы с пожилыми людьми, условием и фактором их интеграции в социум становится геронтообразование. Главной целью геронтообразования является социальное воздействие на личность при подготовке ее к старости, выявление потенциальных ресурсов для развития и саморазвития, социализации, интеграции в общественную жизнь для активной, продуктивной компетентной деятельности в интересах личности, общности и государства. Основной задачей геронтообразования является повышение качества жизни пожилых людей старшего возраста через расширение их возможностей в области образования [2, с. 129].

В настоящее время геронтообразование стало объективным условием и субъективным фактором социальной адаптации и интеграции пожилых людей в российский социум, укрепления их здоровья и повышения качества жизни [3].

Содержанием, видами и проблемами развития образования пожилых людей в Российской Федерации традиционно занимаются О. В. Агапова [4] и Т. М. Кононыгина [5]. Термин «геронтообразование» впервые был предложен Т. М. Кононыгиной как российский эквивалент понятия «образование пожилых людей» [5, с. 77]. Практической организации обучения пожилых граждан, особенностям методов и специфике форм образовательной работы с ними посвящены публикации О. В. Агаповой [4], М. Э. Елютиной [6], Г. А. Парахонской [7] и др.

Под геронтообразованием автор понимает инновационную технологию социальной работы с пожилыми людьми в условиях динамично изменяющегося российского общества, целью которой является повышение качества жизни данной социальной группы, их здоровое долголетие, укрепление физического, психического и социального здоровья, а также поднятие уровней социальной активности, адаптации и интеграции в социум.

Современная практика геронтообразования в российском обществе в основном представлена разрозненными инициативами отдельных общественных структур, реализуемых в рамках социальных проектов. Среди них народные университеты «третьего возраста», клубы по интересам, разнообразные обучающие школы – правовых знаний, финской ходьбы, компьютерной грамотности, здоровья и т. д. Социальные программы и проекты общественных структур (организаций, фондов, общественных палат разного уровня и т. д.) разрабатываются и реализуются при поддержке местных органов власти, Министерств РФ, отечественных и зарубежных фондов, частных инвесторов, банков и членских взносов их участников. Можно сказать, что в современной России система геронтообразования находится в начальной стадии институционализации, а процесс осознания ее общественной значимости только начался.

В этом плане весьма позитивным и практически востребованным является анализ конкретного опыта форсайта геронтообразования в отдельных субъектах Российской Федерации. Например, в Ярославской области геронтообразование развивает ряд общественных организаций и негосударственных учреждений, среди которых наиболее

активными являются Ярославское отделение Всероссийского общества «Знание», инициативная группа «Золотой возраст», негосударственное учреждение «Международная академия бизнеса и новых технологий» (МУБиНТ), общественная организация социально-правовой поддержки населения Ярославской области «Социум» (ООЯО «Социум») и другие.

Например, организация «Социум», созданная в 1996 году, всегда занималась обучением пожилых людей. За эту работу она еще в 2007 году была награждена дипломом победителя конкурса «Наши Родители», который проводила ВПП «Единая Россия», в номинации «Активная жизнь» [8]. В рамках конкурса организация представила проект «Пожилые среди нас». В дальнейшем члены организации разработали и реализовали при поддержке отечественных фондов и местных органов власти такие социально-значимые проекты, как «Геронтообразование как фактор социальной адаптации пожилых людей, проживающих в Ярославском областном геронтологическом центре», «Знания и просвещение – основа здорового долголетия» и другие. Стратегической целью проектов по геронтообразованию стало повышение качества жизни пожилых людей, проживающих в Ярославской области.

Актуальность, социальная значимость и практическая востребованность проектов были обусловлены возрастанием роли общественных организаций в обеспечении социальной поддержки пожилых людей, необходимостью разработки инновационных подходов к организации социального обслуживания этой социально-демографической группы населения, повышению его технологичности, гибкости, эффективности.

Геронтообразование в проектах использовалась как социальная технология, основной задачей которой было содействие всестороннему развитию пожилого человека, повышение уровня его социальной адаптации к новым условиям жизнедеятельности в модернизирующемся местном социуме и необходимостью интеграции в российское общество и мировое информационное пространство. В рамках проектной деятельности проводились следующие мероприятия: чтение лекций, организация индивидуальных и групповых консультаций, работа школ здоровья, основ работ на компьютере, финской ходьбы, психологии и правовых знаний. Ход, результаты и итоги проектной деятельности ООЯО «Социум» регулярно освещались в средствах массовой информации.

В 2015 году общественная организация «Социум» стала победителем конкурса, ежегодно проводимого Общественной палатой РФ, по распределению президентских грантов. На него организацией был представлен проект «Правовая поддержка получателя социальных услуг», который финансово поддержало Общероссийское общественное движение «Гражданское достоинство». Содержание проекта включает обучение пожилых людей технологиям оформления документов и легитимным формам отстаивания своих прав на качественные и своевременные социальные услуги. Реализация проекта начинается в феврале 2016 года и предполагает серию взаимосвязанных обучающих мероприятий.

Таким образом, изучение образования пожилых людей как условия и фактора их интеграции в российский социум позволило сделать следующие выводы. В современном российском обществе созданы благоприятные условия для развития системы геронтообразования и его институционализации. Организационную основу этих процессов составляют психологические характеристики пожилых людей и их понимание как полноправной социально-демографической группы современного российского общества. В настоящее время основными субъектами геронтообразования являются общественные структуры и негосударственные образовательные учреждения. Основные формы геронтообразования создаются и функционируют в рамках социально-значимых проектов, которые носят локальный и временный характер.

Ссылки / Reference

- [1] Албегова И. Ф. Геронтогруппа: критерии выделения и характеристики в условиях современного российского общества // Социальные и гуманитарные знания. 2015. Том 1, № 1. С. 30–34.
- [2] Дворникова Е. В., Кошелева А. В. Геронтообразование как способ интеграции пожилых людей в информационное общество // Социальные и гуманитарные знания. 2015. Том 1, № 2. С. 128–134.
- [3] Албегова И. Ф., Старцева О. Н. Образование пожилых людей как фактор их здоровья в условиях постоянного проживания в современном доме-интернате // Социология медицины. 2014. № 1. С. 59–62.
- [4] Агапова О. В. Образование пожилых людей в российском сообществе: к постановке проблемы // Образование пожилых людей: Перспективы для общества человека : материалы международной конференции (Москва, 21–25 ноября 2000 г.). СПб., 2000. С. 53–62.
- [5] Кононыгина Т. М. Герагогика: пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей. Орел: Красная строка, 2006. 133 с.
- [6] Елютина М. Э., Чеканова Э. Е. Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества // Социологические исследования. 2003. № 7 (231). С. 43–49.
- [7] Парахонская Г. А. Образование как фактор адаптации к пенсионному возрасту // Психология зрелости и старения. 2009. № 1 (45). С. 81–88.
- [8] Подведены итоги регионального этапа конкурсов «Наш город» и «Наши родители» // Единая Россия : официальный сайт партии. URL: <http://yareoslavl.er.ru/> (дата обращения: 17.12.2015).

УДК 316.47

**Соседские общины как институт
местного самоуправления**

М. В. Афонин , Л. Д. Руденко

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

*E-mail: m-afonin@mail.ru
E-mail: rudenko@uniyar.ac.ru*

Научная статья

В статье содержатся описание и анализ особенностей соседства как социального института. Изложены результаты авторского социологического исследования, посвященного изучению характеристик соседского сообщества, его функций и специфики процессов коммуникации между соседями.

Ключевые слова: город; соседство; социальный статус; роль; коммуникация.

**Neighborhood community
as an institution of local
self-government**

M. V. Afonin, L. D. Rudenko

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article contains a description and analysis of the characteristics of the neighborhood as a social institution. The results of the author's sociological research devoted to the study of the neighboring community characteristics as well as its features and the specifics of the communication processes between neighbors are summarized.

Keywords: city (town); neighborhood; social status; role; communication.

Местное самоуправление зародилось и формировалось под влиянием комплекса исторических, географических, политических, экономических, культурных и других особенностей. В силу этого оно является разносторонним общественным явлением. О. Е. Кутафин и В. И. Фадеев полагают, что местное самоуправление представляет систему самоорганизации и деятельности граждан, которая дает населению возможность самостоятельно решать проблемы местного значения [1, с. 89].

Г. Еллинек, в работе «Общее учение о государстве» определил, что местное самоуправление входит в государственную компетенцию, однако реализуется лицами, заинтересованными в решении проблем местного значения, но не занимающими государственных должностей [2, с. 58]. Б. Э. Нольде считает, что местное самоуправление является одной из форм реализации государственных функций самим государством, а в некоторых случаях и с помощью суверенных лиц и организаций [3, с. 13].

В статье 3 Европейской хартии о местном самоуправлении 1985 года указывается, что местное самоуправление – это право и реальная возможность органов местного самоуправления регулировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения.

Несмотря на большое количество и разнородность определений местного самоуправления, в основе всех интерпретаций заложена идея о том, что население лучше, чем государство и государственные структуры, знает о проблемах, возникающих локально, и может решить их лучше. Тем самым оно способно повысить уровень и качество жизни самостоятельно.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, муниципальных выборов, голосования по отзыву депутатов, голосования по вопросам изменения границ, преобразования муниципального образования, схода граждан и т. д.

Основными формами участия населения в осуществлении местного самоуправления являются следующие: правотворческая инициатива граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрание

граждан, конференция граждан (собрание делегатов), опрос граждан, обращения граждан в органы местного самоуправления, указы избирателей и т. д.

Наиболее доступным для населения институтом, способствующим решению проблем, возникающих в сфере местного самоуправления, является соседская община. Данные институты могут быть представлены товариществами собственников жилья, территориальным общественным самоуправлением, обществом охраны окружающей среды, обществом озеленения двора, обществом многодетных семей, обществом инвалидов и др. Кроме того, они оказывают влияние на жизнь людей. Для детей соседство является не только средой жизнедеятельности, но и мощным агентом социализации. Для лиц трудоспособного возраста соседство является одним из механизмов активизации и развития гражданской культуры.

До XVII века под сообществом понимали объединение людей, связанных географическим положением. Из-за неразвитости транспортных средств и средств коммуникации отношение к тому или иному сообществу определялось исключительно местом рождения и проживания. После промышленной революции появились новые возможности для миграции населения и коммуникации, что способствовало повышению уровня горизонтальной мобильности. Благодаря этому понятие «сообщество» стали связывать не только с географическим положением, но и с общими интересами людей.

Сегодня соседская община является одним из основных сообществ городской жизни. Она представляет собой группу людей, проживающих территориально рядом друг с другом, объединенных устойчивыми и целенаправленными взаимоотношениями. А. Хантер определил соседство «как уникально сцепленные звенья социально-пространственной организации, на которые воздействуют силы и институты огромного общества и рутина каждодневной жизни» [Цит. по: 4, с. 45].

Но ошибочно считать, что в соседства людей объединяет только целенаправленная деятельность. Как выяснил И. Сассер в своём исследовании соседств в Бруклине в 1982 году, основой для объединения могут быть и социальные обстоятельства [Цит. по: 4, с. 46]. В квартале Гринпойнт люди были объединены в соседские сообщества этническими и религиозными связями, такими как польско-католическое объединение монашества в близлежащей церкви или наличие итальянских ресторанчиков. Как показали дальнейшие исследования, соседства такого типа характеризуются высоким уровнем взаимной поддержки и взаимовыручки.

Д. и Р. Уоррены выделили 6 типов соседств: интегральное, приходское, диффузное, переходное, аномическое, ступенчатое. В основу своей классификации они положили три измерения:

- самосознание: сколько людей идентифицируют себя с соседским сообществом;
- взаимодействия: как сильно взаимодействие между соседями и как часто они ходят в гости друг к другу;
- взаимосвязи: есть ли связи соседств с обществом вне их и какова природа этих связей [Цит. по: 4, с. 46].

Но подробнее мы рассмотрим классификацию другого американского социолога Т. Саттлза [См.: 4, с. 47]. Ученый выделил подгруппы трёх типов: группа близких соседей, группа оборонительного соседства и группа сообщества с ограниченной ответственностью.

1. Близкие соседи характеризуются преимущественно тесными, межличностными контактами. Социальные отношения в данной подгруппе зависят от типа жилья. Одним из важнейших критериев территории данной подгруппы является детская площадка. Именно детские игры, связи и отношения являются основополагающим соседских отношений.

2. Оборонительное соседство. Члены этого типа сообщества объединены единой целью защиты от внешних врагов. Эта подгруппа характеризуется высокой степенью знакомств между людьми. Люди, живущие в этом месте, чувствуют себя в относительной безопасности. Зачастую защита от «врагов» достигалась за счет плохой репутации мест, наличия различных молодёжных группировок на их территории.

Несмотря на то, что люди в этом районе меняются, подобная единица объединения продолжает существовать.

3. Сообщество с ограниченной ответственностью. Это объединение горожан в рамках одной территориальной городской единицы со своими устоявшимися границами, проходящими по линиям парков, железной дороги, транспортной магистрали и т. д., и собственным самоназванием. Они могут иметь официальное признание. На уровне «сообщества с ограниченной ответственностью» возможно вмешательство извне, то есть навязывание и предписывание образа группы, идентичности и символа. Это зачастую становится их отличительной особенностью.

На наш взгляд, следует отметить, что сложившиеся соседские объединения, несмотря на признание со стороны властей, редко имеют официальное закрепление. Таким образом, возникновение соседского сообщества – это результат целенаправленной самоорганизации населения.

Как уже было отмечено выше, нередко к объединению и совместным действиям людей побуждают обстоятельства, являющиеся прямой угрозой для существования целой группы людей. В интересующем нас контексте таким обстоятельством может стать, к примеру, строительство по соседству дома или перспектива застройки территории торговым объектом, обветшание крыши, отсутствие детских площадок или припаркованные автомобили на детских площадках и т. д.

К условиям зарождения и становления соседского сообщества, способного к саморазвитию, мы отнесем следующие факторы и условия:

- 1) наличие проблемной или стимулирующей ситуации на определенной территории;
- 2) понимание жителями данной ситуации как проблемной или стимулирующей;
- 3) появление активных жителей данной территории;
- 4) выделение лидера, способного организовать и управлять процессом самоорганизации и дальнейшей деятельности;
- 5) желание и способность муниципальных властей сотрудничать с организованными жителями;
- 6) наличие ресурсов на осуществление организационной деятельности на территории.

С целью изучения особенностей участия соседских сообществ в местном самоуправлении в условиях современного города нами было проведено социологическое исследование. Под социальным институтом понималось специфическое образование, обеспечивающее относительную устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества, некоторые исторически обусловленные формы организации и регулирования общественной жизни.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить ряд следующих задач:

1. Проанализировать активность социальных слоев в принятии решений в жилищной сфере через деятельность соседских сообществ;
2. Изучить основные вопросы, решаемые соседскими сообществами в рамках местного самоуправления;
3. Выяснить причины участия тех или иных слоев населения в деятельности соседского сообщества;
4. Исследовать технологии принятия решений соседскими общинами в жилищно-коммунальной сфере.

Объектом исследования выступили локально организующиеся коллективы – соседские общины города Ярославля. Предметом исследования – особенности участия соседских общин в местном самоуправлении в условиях современного города.

Социологическая информация была собрана с помощью анкетного опроса, т. к. именно этот метод позволяет получить информацию о субъективном мире людей, их склонностях и мотивах деятельности. Более того, данный метод предоставляет респондентам возможность обдумать предложенные вопросы, а исследователю получить информацию в сжатые сроки и контролировать полноту заполнения анкеты.

Анкета состояла из 35 вопросов (восемь вопросов формировали «паспортичку»), которые были распределены по следующим смысловым блокам:

– вопросы, с помощью которых мы выявили характеристики респондента как соседа (срок проживания в доме, тип жилья, «элитность» жилья и др.);

– вопросы, направленные на изучение особенностей коммуникации между членами соседского сообщества (ситуации знакомства с соседями, темы общения, возможные взаимопомощь и конфликты между соседями, технологии их разрешения и т. д.);

– вопросы, ответы на которые позволили проанализировать особенности соседства как социального института (функции соседского сообщества, формальные и неформальные организации соседского сообщества и т. д.).

По таблицам В. И. Паниотто был определен объем выборки – 250 человек. Фактическая ошибка выборки составила 7 % [5, с. 147]. Объектом социологического исследования выступили жители города Ярославля в возрасте от 18 до 70 лет, объединенные в соседские общины. Отбор респондентов осуществлялся с помощью неслучайной квотной выборки.

Данное исследование проводилось в несколько этапов:

1. Разработка инструментария.
2. Сбор социологических данных (проведение опроса).
3. Обработка результатов опроса с помощью программы SPSS.
4. Анализ результатов.

Обработка результатов исследования проводилась с помощью программы SPSS.

В исследовании приняли участие 45 % мужчин и 55 % женщин, что соответствовало половой структуре города. Абсолютное большинство ответивших (95 %) – русские, что также соответствовало национальной структуре города. Средний возраст опрошенных респондентов составил 40 лет.

Уровень образования респондентов оказался достаточно высоким: доля лиц с высшим образованием составила почти 55 %, со средним специальным образованием – 25 %, со средним – 20 %. В результате обработки данных мы можем констатировать высокую образованность отобранных респондентов.

Большинство респондентов состоят в браке (75%), имеют детей более половины (65%) опрошенных, что может обуславливать их активность в создании более благоприятных условий проживания.

Свое материальное положение большая часть респондентов (80 %) определили как среднее (денег хватает на одежду, еду и мелкую бытовую технику, но покупка товаров длительного пользования, например холодильника, вызывает затруднение); 7 % – как низкое (не хватает денег на еду и одежду); 11 % – как высокое (можем позволить себе купить практически все); 2 % отказались от ответа на этот вопрос.

Итогом проведенного нами исследования стали следующие результаты.

По социальному статусу респонденты распределились следующим образом: 60 % работающие, 25 % студенты, 10 % пенсионеры, 5 % безработные, в т. ч. домохозяйки.

Большинство опрошенных жителей проживали в собственной квартире (85 %), в муниципальных квартирах – 3 %, в арендуемой квартире – 12 %. Эта тенденция характерна почти в равной мере для жителей как многоквартирных домов, так и малоквартирных. При этом респонденты разных групп не продемонстрировали разницы в восприятии соседа: большинство респондентов рассматривают соседа как «человека, живущего рядом и готового всегда помочь».

На вопрос «Знаете ли Вы всех своих соседей?» большинство респондентов (50 %) ответили, что знают своих соседей, но не всех. Всех своих соседей знают 40 % ответивших. Данные показатели свидетельствуют о благоприятной атмосфере для возникновения устойчивых связей с соседями. Однако нельзя не заметить, что не знают соседей 7 % респондентов, а 3 % респондентов ответили, что не хотят знакомиться с соседями.

На наличие чувства близости со своим соседями указали 40 % респондентов, но в то же время 30 % такой связи не чувствуют, еще 20 % затруднились ответить на этот вопрос.

В ходе опроса лишь 15 % респондентов указали на то, что соседское сообщество влияет или влияло каким-то образом на их жизнь. Такой низкий показатель, на наш взгляд, можно объяснить сложившимся низким уровнем гражданской культуры и инициативности граждан.

На сегодняшний день практикуется множество технологий решения спорных вопросов, возникающих в повседневной жизни. С целью их изучения нами был задан вопрос: «Как Вы решаете противоречия с соседями или как бы Вы их решали, если бы такая ситуация возникла?». Судя по ответам респондентов, самым распространенным способом урегулирования конфликтов являются прямые переговоры: его выбрали 67 % респондентов.

Среди других способов решения конфликтов респонденты выбирали: привлечение посредников, которые способны повлиять на источник конфликта (17 %); игнорирование ситуации (12 %). В то же время только 4 % респондентов указали на решение конфликта с помощью воздействия соседского сообщества, что, на наш взгляд, свидетельствует о незначительной роли соседского сообщества в качестве института урегулирования межличностных противоречий.

Опрошенным также задавался вопрос: с помощью каких технологий решаются общедомовые проблемы? Самым распространенной технологией является собрание соседей, в ходе которых принимаются общие решения путём голосования (68 % от полученных ответов). Кроме того, используются такие технологии, как сбор подписей жильцов дома (54 %), письменные обращения в необходимые органы (43 %), открытые и закрытые голосования по каким-либо вопросам (12 %). Самыми малозначительными методами оказались митинги (1 %), скандалы, ссоры, драки, вызов полиции, написание и вывешивание объявлений (по 0,5–0,9 %).

Для того чтобы определить особенности «оборонительного соседства», респондентам был задан ряд вопросов, раскрывающих наличие общей угрозы, формы ее устранения, ситуации для взаимопомощи и т. д.

Менее четверти опрошенных (21 %) ответили, что сталкивались с «общедомовой угрозой» (точечная застройка, вырубка парка, ликвидация детской площадки и т. д.). В этом же блоке мы рассмотрели методы устранения внешней угрозы (вопрос стоял открытым, поэтому респонденты имели право указать все возможные варианты). Самым популярными ответами стали: сбор подписей (55 %), обращение в необходимые инстанции (31 %) и переговоры с источником угрозы 28 %.

Еще один важный аспект взаимодействия соседей – это решение бытовых проблем, которое поможет сделать более благоустроенными дом и дворовую территорию. Результаты опроса показали, что значительная часть опрошенных (71 %) на собраниях обсуждают вопросы, связанные с коммуникациями (газ и водоснабжение), 29 % – с озеленением территории, 25 % – с воспитанием детей, 8 % – с организацией совместных мероприятий.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что соседские сообщества создают условия для социальной интеграции жителей в единую организацию, обеспечивают социализацию индивидов, исходя из определенного свода правил, удовлетворяют потребности его членов (собрания, выборные должности, возможность обращения с жалобами и т. д.).

Проанализировав результаты исследования и используя типологию Саттлза, также можно сделать вывод о том, что доминирующим по своим признакам является оборонительное или взаимодействующее соседства. Об этом говорят следующие показатели:

– высокая степень знакомств внутри соседств, что является отличительным признаком оборонительного соседства. Подавляющее большинство респондентов

знакомы со своими соседями (по лестничной клетке, по подъезду, по дому) или хотя бы знают их в лицо;

– важность для проживания социального окружения, что также является отличительной чертой оборонительного соседства;

– наличие общих проблем;

– взаимодействие не только по формальным, но и по неформальным ситуациям.

Ссылки / Reference

[1] Фадеев В. И., Кутафин О. Е. Муниципальное право России. М., 2008.

[2] Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.

[3] Нольде Б. Э. Основные теории местного самоуправления: происхождение и развитие. М., 1996.

[4] Вагин В. В. Городская социология. М., 2000.

[5] Паниотто В., Максименко В. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев, 1982.

УДК 316.334.2

Демонстративность и кредитное поведение: некоторые результаты исследования

И. М. Дудина

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: ax81081@rambler.ru

Научная статья

Статья посвящена изучению кредитного поведения индивидов. Рассматриваются социальные факторы, влияющие на кредитное поведение, в частности, такой феномен, как демонстративное потребление. На основании интерпретации результатов проведенного исследования делаются выводы о взаимосвязи кредитных установок и склонности к демонстративному потреблению, а также дальнейшего воздействия на обращение к кредитной практике.

Ключевые слова: кредит; демонстративное потребление; социальные факторы; социальные установки.

Demonstrative and credit behavior: some research results

I. M. Dudina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article devoted to the study of the credit behavior of individuals. We consider the social factors that influence the behavior of credit, in particular, such as the phenomenon of conspicuous consumption. Based on the interpretation of the results of the research conclusions about the relationship of credit facilities and the propensity to conspicuous consumption, as well as their impact on the further appeal to the lending practices.

Keywords: credit; conspicuous consumption; social factors; attitudes.

В настоящее время наблюдается увеличение объемов потребительского кредитования. Так, на сегодняшний день каждый экономически активный россиянин должен кредитным организациям в среднем около 146,3 тыс. рублей. В 2014 году этот показатель был на уровне 120 тыс. рублей, а в 2011 году – 60,8 тыс. рублей. Таким образом, за последние 5 лет кредитная нагрузка на граждан выросла практически в 3 раза [1].

Обозначенная проблема является актуальной, так как расходы граждан на платежи по кредитам в 2015 году выросли. В среднем на российского заемщика приходится 1,8 кредита. При этом долговая нагрузка (соотношение ежемесячных платежей по всем кредитам к доходу) составила приблизительно 41 % от доходов. Еще год назад на обслуживание долга перед банками у россиян уходило 39 % от доходов. Показатель долговой нагрузки является довольно высоким: по банковской классификации хорошим считается соотношение 30–35 % и меньше. Таким образом, растет не только долг россиян, но и количество заемщиков с двумя и более активными кредитами. Данные кредитных организаций свидетельствуют о том, что за 1,5 года количество таких заемщиков выросло с 30 % до 50 % (прирост составил 66 %), доля заемщиков с четырьмя и более кредитами выросла с 4 % до 9 % – прирост составил 125 % [1].

Экономическая ситуация, сложившаяся в стране, отрицательно сказывается на уровне жизни населения в целом, и, как следствие, доля кредитов, платежи по которым не вносятся вовремя, в первом квартале 2015 года выросла на 0,9 п.п., до 6,5 %. В сегменте потребительских кредитов доля просроченных платежей подскочила сразу до 8,5 %. Эксперты отмечают, что это самый высокий показатель за последние пять лет. Просроченная задолженность за год выросла почти на треть, что также является рекордным показателем [2].

Всё вышеобозначенное вызывает ряд вопросов, требующих ответа. В частности, что заставляет население брать кредиты, которые с высокой долей вероятности

не будут обеспечены? Какие факторы оказывают влияние на обращение человека к кредитной практике?

С одной стороны, это связано с экономическими причинами, такими как низкий уровень дохода населения, снижение уровня жизни в целом, растущие темпы инфляции и т. п. С другой стороны, на увеличение количества потребителей кредитов влияют социальные причины. По нашему мнению, в большинстве случаев социальные факторы имеют определяющее значение при принятии решения индивидом стать потребителем кредита. Это обусловлено прежде всего переходом государства на новую стадию экономического развития, которая характеризуется изменением роли и места индивидуального потребления в процессах формирования и воспроизводства социально-экономических структур в обществе, появляется необходимость не просто удовлетворять базовые потребности, но поддерживать социальный статус, подтверждать свою идентичность. Потребление становится одним из способов конструирования социальной идентичности, а также социокультурной интеграции в общество. Подобные социальные потребности также могут мотивировать кредитное поведение.

В целом, на наш взгляд, кредитное поведение индивида может быть обусловлено совокупностью взаимосвязанных друг с другом социальных факторов, среди которых установки по отношению к кредитной практике, склонность к демонстративному потреблению, мотивы демонстративного потребления [3].

Анализ влияния различных факторов необходимо предварить рассмотрением сущности кредитного поведения. В экономической теории основой для выделения определяющих факторов потребительского, сберегательного и кредитного поведения индивида является уровень доходов. Важным является то, что экономисты рассматривают заимствования как вид сбережения, но с отрицательным знаком, в то время как социологи и психологи определяют долговые обязательства как особый род финансовой деятельности.

Современные исследования, изучающие кредитование, достаточно подробно останавливаются на его финансовой составляющей, однако зачастую игнорируют социальную составляющую данного явления.

Социальная составляющая может быть раскрыта посредством обращения к понятию социального действия в понимании М. Вебера [4]. Социальным является такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него. Таким образом, можно определить кредитное поведение как некое действие, обладающее для индивида субъективным смыслом, в то же время соотношенным и ориентированным на других людей. Следовательно, такое действие представляется как некий процесс, в ходе которого у индивида сначала формируются установки на кредитное поведение, которые тесно связаны с существующими в обществе социальными нормами, а затем в соответствии с ними совершается само действие – получение кредита или отказ от него.

На совершение того или иного социального действия, в нашем случае на обращение к кредитной практике, воздействуют различные факторы. Одним из таких факторов выступает склонность к демонстративному потреблению. Одним из первых к данному феномену обратился Т. Веблен, определявший такое потребление как «использование потребления для доказательства обладания богатством», потребление «как средство поддержания репутации» [5]. По мнению исследователя, демонстративное потребление проявляется в виде покупки дорогих предметов и благ с целью доказательства платежеспособности и обладания высоким социальным статусом. При изучении влияния демонстративности на кредитное поведение интерес вызывают работы О. С. Посыпановой. Автором выделено три степени демонстративного потребления: отсутствие демонстративного потребления, умеренно-демонстративное и сверхдемонстративное. При умеренно-демонстративном потреблении демонстративность является средством для привлечения внимания со стороны значимых людей через качество и стоимость вещей, которые, по мнению индивида, подчеркивают индивидуальность. В таком случае потребление скорее является «показателем стремления к личностному, социальному и экономическому росту» [6].

При сверхдемонстративном потреблении цель определяется иначе – это сама демонстративность, которая и является смыслом при таком потреблении. Кроме того, О. С. Посыпанова дифференцирует демонстративность по десяти видам демонстративного потребления. Демонстративность-истероидность, когда самым главным является привлечение внимания, причем неважно, каким оно будет. При таком виде демонстративности человеку в равной степени важны как положительные, так и отрицательные отзывы со стороны других людей. Второй вид – демонстративность-статусность, или статусное потребление. Через покупку определенных вещей человек стремится получить расположение со стороны, с точки зрения такого человека есть набор вещей, которые позволяют обозначить свой статус. В качестве третьего вида, О. С. Посыпанова выделяет демонстративность-индивидуальность, или демонстративный снобизм. Здесь главным является демонстрация своей уникальности и неповторимости через вещи. В данном случае, для индивида не всегда важно, будет ли это оценено окружающими. Стоимость потребляемой вещи также не является значимой, основное – это уникальность. Люди с таким видом демонстративности, как демонстративность-творчество, или эстетическая демонстративность, характеризуются стремлением к творческой самореализации. Следующий вид демонстративности – демонстративность-престиж, или престижное потребление. При потреблении той или иной вещи важна исключительно её стоимость, которая выступает эквивалентом престижа. При статусном потреблении это стремление за счет вещей достичь желаемого статуса, а при престижном потреблении этот статус уже присутствует. Шестой вид – демонстративность-мода. Индивид с таким видом демонстративности стремится всегда быть «в тренде», что является стремлением «подчеркнуть свою индивидуальность через стремление к массовости». В основе демонстративности-самоутверждения лежит стремление избегания неудач, стремление уйти от негативной самооценки и оценки окружающими через «кричащие» вещи. При таком виде демонстративности, как «бегство от бедности» человеку важно показать, что он не является бедным с точки зрения материального положения. Чтобы доказать это, индивид может полностью израсходовать свои средства за один раз на какую-либо вещь, подтверждающую определенный уровень дохода. При демонстративности-перфекционизме возникает стремление иметь только самые лучшие вещи, количество не имеет значения для таких людей. Демонстративность-разрядка, или гедонистическое демонстративное потребление, характеризуется тем, что не важна реакция окружающих на саму вещь. Важно привлечь внимание к своему поведению, выражению лица, которые говорят об удовольствии и счастье.

С целью определения влияния взаимосвязи социальных факторов на кредитное поведение нами было проведено социологическое исследование, направленное на изучение отношения населения к кредитам, определение уровня демонстративного потребления и его видов.

В качестве метода социологического исследования использовался метод анкетирования. Анкета включала в себя пять блоков. Первый блок направлен на изучение кредитного опыта индивидов, выяснение целей получения кредита и уровень долговой нагрузки заемщиков. Второй блок посвящен изучению отношения респондентов (как с кредитным опытом, так и с отсутствием подобной практики) к кредитам. Третий включал высказывания на тему последствий невыплаты по кредитным обязательствам и был направлен на определение отношения респондентов к такому поведению. Четвертый блок позволил понять, в каком случае респонденты, как с кредитным опытом, так и без такового, могут обратиться к кредитной практике, на какие цели считают возможным взять кредит, а также какую долю своего дохода готовы отдавать на выплаты по кредитным обязательствам. Пятый блок вопросов направлен на выяснение отношения респондентов к заемщикам из числа их родственников, друзей и знакомых. Определению социально-демографических характеристик и уровня дохода респондентов посвящен шестой блок вопросов анкеты. В дополнение к анкете использовался тест О. С. Посыпановой, целью которого являлось

выявление уровня склонности к демонстративному (показному) потреблению и преобладающего вида демонстративности в покупках и использовании товаров.

В опросе приняли участие 713 жителей города Ярославля в возрасте от 30 до 45 лет. Возраст был выбран на основе определенного банками портрета потенциального получателя кредитов. 54 % участников опроса являлись или являются заемщиками, у оставшихся 46 % кредитный опыт отсутствует. Тип выборки – квотный, генеральный параметр квоты – возраст.

Интерпретируя результаты эмпирического исследования, можно сказать следующее. Среди респондентов с кредитным опытом – кредит как «неподъемную тяжесть и обузу» воспринимает почти половина опрошенных (48 %), такое же количество (48 %) подобное определение отрицает. Согласие с данным определением выразили 65 % респондентов, у которых отсутствует кредитный опыт, а 30 % данной категории не согласны с подобной оценкой. Особый интерес вызывают ответы на определение кредита как «долговой ямы». Среди заемщиков 41 % не согласились с этим, согласны 54 %. Респонденты без кредитного опыта в подавляющем большинстве (72 %) согласились с данной формулировкой. Таким образом, негативные установки по отношению к кредитам присутствуют вне зависимости от наличия кредитного опыта, хотя среди респондентов с отсутствием подобной практики отрицательно оценивают кредит практически две трети опрошенных.

Положительное восприятие кредитной практики скорее характерно для заемщиков. На такое утверждение, как кредит – это «возможность исполнить свою мечту», подавляющее большинство респондентов, как с кредитным опытом, так и без такового, ответили согласием, первые составили 78 %, вторые – 64 %. Не согласны 18 % респондентов с кредитным опытом и 29% с отсутствием такового. Заметим, что людей, отрицающих кредит как средство реализации мечты, больше среди респондентов с отсутствием кредитного опыта, так же как и согласных с данным утверждением. Приблизительно та же картина наблюдается при оценке утверждения о том, что кредит – это «возможность приобрести что-то дорогое и нужное здесь и сейчас», однако людей с кредитным опытом, согласных с данным утверждением, всё же больше: 90 % против 78 %.

С тем, что кредит является «средством зарабатывания денег для банка», согласно подавляющее большинство опрошенных вне зависимости от наличия кредитного опыта. 90 % с кредитным опытом и 88 % без него воспринимают кредит именно так. Таким образом, когда отсутствует субъективная составляющая и кредит воспринимается как нечто нейтральное, не имеющее отношения к индивиду напрямую, кредитный опыт определяющим не является.

Незначительная разница в восприятии кредита в связи с уровнем дохода прослеживается при анализе ответов на утверждение, что кредит – это «возможность для малоимущих что-то купить». Согласились с этим 60 % и 67 % респондентов с кредитным опытом и без него соответственно, тогда как не согласны – 36 % и 30 %. Таким образом, наличие кредитного опыта не влияет на восприятие кредитной практики с точки зрения уровня дохода, и в сознании населения данная практика может рассматриваться скорее как показатель финансовой несостоятельности.

Интересно то обстоятельство, что при анализе ответов на утверждение, что кредит – это «стимул для экономики страны», оказалось достаточно большое количество респондентов, затруднившихся или просто отказавшихся дать оценку данной формулировке (фактически четверть от числа участвовавших в опросе), вне зависимости от наличия кредитного опыта. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что большинство населения не пытается проследить взаимосвязи между практикой кредитования и экономикой страны в целом.

Среди респондентов с кредитным опытом значительно больше тех, кто не согласен с тем, что кредит это «возможность пользования завышенными жизненными благами». Так, среди потребителей кредита 48 % не согласны с подобным утверждением, в то время как те, у кого отсутствует подобный опыт, составляют 64 %. Таким образом, можно сделать вывод, что заемщики не воспринимают

вещь взятую в кредит как завышенное благо. Однако анализ утверждения, что кредит – это «возможность удовлетворить свои потребности», позволяет сделать вывод о том, что респонденты, как с кредитным опытом, так и с его отсутствием, в подавляющем большинстве согласны с данной формулировкой: 76 % и 75 % соответственно. Следовательно, воспользоваться кредитом для удовлетворения потребностей, а не приобретения завышенных благ гипотетически могут и те, у кого кредитный опыт отсутствует.

Наше предположение о том, что невыполнение кредитных обязательств приведет к негативным последствиям, воспринимается респондентами вне зависимости от их обращения к кредитной практике также подтвердилось. Таким образом, невыплаты по кредитам обусловлены не тем, что индивиды не понимают, что наступят негативные последствия, а причинами иного характера.

Отношение респондентов к причинам кредитного поведения также различны. Анализ ответов на блок анкеты показал, что к кредитной практике в тяжелой или безвыходной жизненной ситуации готовы обратиться респонденты, как с кредитным опытом, так и с отсутствием такового. Однако заемщиков все же больше. В случае необходимости помощи близким кредит готовы взять обе категории в одинаковой пропорции. Когда же причиной кредита является «возможность исполнения мечты» или приобретение «дорогостоящего и нужного здесь и сейчас», респонденты с отсутствием кредитного опыта не склонны к подобному поведению. Вне зависимости от причин респонденты без кредитного опыта (35 %) и заемщики (17 %) считают, что брать кредиты не следует. Таким образом, это показывает отношение к кредиту как к социальному действию как со стороны заемщиков, так и со стороны людей без кредитной практики. Со стороны заемщиков наблюдается более лояльное отношение к кредитам, что, на наш взгляд, обусловлено установками индивидов по отношению к такой практике.

При оценке отношения респондентов к кредитам их родственников, друзей, знакомых мнения заемщиков и людей с отсутствием кредитного опыта также отличаются.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что отношение к кредитам в целом не зависит от кредитного опыта. Это дает нам основание обратиться к другим факторам, влияющим на обращение индивида к кредитной практике. В частности, к демонстративному потреблению. Заметим, что доля респондентов, склонных к демонстративному потреблению, как с кредитным опытом, так и без такового, примерно одинакова. Так, большинство респондентов, у которых отсутствует кредитный опыт, не склонны к демонстративному потреблению, они составляют 70 % опрошенных. Чуть меньше респондентов, не склонных к демонстративности (67 %), среди заемщиков. Для 30 % опрошенных заемщиков и для 27,5 % тех, у кого отсутствуют кредиты, характерно умеренно-демонстративное потребление. У большинства из них преобладает умеренная степень демонстративности. Среди опрошенных есть и те (2,5 % и 3 % респондентов без кредитов и заемщиков соответственно), для кого характерно сверхдемонстративное потребление. На наш взгляд, это обусловлено тем, что при обращении или не обращении к кредитной практике в основе лежат всё же экономические причины.

Однако распределение респондентов по типам демонстративного потребления позволяет сделать выводы относительно того, какая демонстративность преобладает у потребителей кредитов и респондентов с отсутствием подобного опыта. Так, мы выяснили, что у большинства людей с типом демонстративность-творчество (51,6 %) кредитный опыт отсутствует. Среди заемщиков процент людей с таким типом демонстративности достаточно низок – 16,4 %. Обусловлено это тем, что такие люди склонны к самореализации через творчество, творческую деятельность. Кредитная деятельность к творческой не относится.

Другая ситуация с потребителями кредитов, для большинства из них характерен тип демонстративность-индивидуальность (25 %), особенностью которого является привлечение внимания к себе через вещи. Среди респондентов с отсутствием кредитного

опыта доля людей с таким видом демонстративности – 17,6 %. Поскольку темп жизни увеличивается, маркетологами и СМИ создаются некие механизмы, заставляющие приобретать те или иные товары, такие индивиды вынуждены брать вещи в кредит, чтобы поддерживать свою индивидуальность на определенном уровне.

Анализируя уровень дохода респондентов с кредитным опытом и отсутствием такового, мы пришли к выводу, что разница незначительна. Демонстративность наблюдается в основном у людей со средним уровнем дохода, когда «на крупную бытовую технику хватает, но новую машину купить не могут».

Важным является то, что уровень долговой нагрузки по кредитам связан со степенью демонстративности. На наш взгляд, долговая нагрузка больше у тех потребителей кредитов, которые склонны к демонстративному потреблению. Результаты исследования данное предположение подтвердили. До 50 % дохода на погашение долга наблюдается у респондентов примерно в одинаковой пропорции. Однако по мере увеличения выплаты кредитных платежей доля заемщиков, склонных к демонстративному потреблению, растет, в то время как доля тех, у кого отсутствует демонстративное потребление, снижается. Те же, кто тратит на кредиты больше 75 % своего дохода, представлены только среди респондентов, склонных к демонстративному потреблению.

Ссылки / Reference

- [1] Кредитная нагрузка на россиян выросла втрое за 5 лет // Клерк.Ру : сайт.
URL: <http://www.klerk.ru/bank/news/418560/>.
- [2] Россияне стали тратить на платежи по кредитам 41 % от своих доходов // РБК : информационный портал.
URL: <http://top.rbc.ru/finances/15/05/2015/5555f3d59a794710c362a71d>.
- [3] Дудина И. М. Демонстративное потребление как один из факторов кредитного поведения // Десятые Ковалевские чтения: материалы научно-практической конференции (13–15 ноября 2015 года) / отв. ред.: Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2015. С. 535–537.
- [4] Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
- [5] Веблен Т. Теория праздного класса / Перевод с английского ; под ред. В. В. Мотылева. М. : Прогресс, 1984.
- [6] Посыпанова О. С. Экономическая психология: экономические аспекты поведения потребителей. Калуга, 2012.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811

Приемы провокативного
дискурса в сетевом дневнике

Л. Г. Антонова

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова*

E-mail: antonova_lubov@mail.ru

Научная статья

Статья посвящена описанию стилистических приемов провокативного дискурса, которые используются блогером в инициативных записях и могут рассматриваться как приемы самопрезентации и эпатаживания целевой аудитории, что обеспечивает новое понимание эффективной виртуальной коммуникации.

Ключевые слова: блогодискурс; диалоговые пристройки; провокативная стилистика.

Receptions provokativ discourse
in online diary

L. G. Antonova

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article is devoted the description of stylistic techniques of provocative discourse, used by blogger in action records, which may be viewed as techniques of self-presentation and epatage of target audience that provides new insight into an efficient virtual communication.

Keywords: blogodiskours; provocative stylistics; extension boxes style.

Слово «блог», как известно, происходит от английского «blog», что является производным от weblog, виртуальный «сетевой журнал или дневник событий». Блог – это своеобразный «дневник наоборот», потому что записи (посты) автора блога хранятся на электронных носителях в обратном порядке. Такое расположение записей отвечает задачам блогодискурса: в первую очередь автора и адресата должны интересоваться событиями дня сегодняшнего, и этому посвящен, как правило, очередной «пост».

Кроме того, блог как сетевой дневник – это и средство формирования коммуникативно-эстетических навыков медиапользователя: поликодовое и интерактивное оформление записи обеспечивает блогеру возможность не только «услышать» других, но прежде всего «быть услышанным» и «обрести право голоса», и не только при создании вербального, но и музыкального текста, текста из фотографий или символического текста с использованием компьютерной графики.

Блоговая запись как особый вид медиатекста с «повышенным статусом субъективности» обладает рядом отличительных коммуникативных и стилистических свойств.

Прежде всего следует отметить, что запись в блоге – активное средство социализации для автора: возможность найти единомышленников и самому определить свое место в этом виртуальном мире, стремление заявить о своем видении и понимании социокультурных и гуманитарных проблем.

Блоговая запись – удобный инструмент для самопрезентационных и провокативных заявок: активное выражение себя через различные маркеры в организации текста; поддержка имиджевого стиля с использованием визуальных образных знаков; допустимая претенциозность в отборе и представлении авторских стилистических фигур в тексте.

Современная научная практика описания виртуального дискурса [1], [2] видит его основной целью – самопрезентацию и развлечение участников данного вида дискурса, поскольку в течение всего процесса виртуального взаимодействия с другими

пользователями виртуальная языковая личность так или иначе стремится показать себя с лучшей, по ее мнению, стороны, предстать в выгодном свете, акцентируя внимание партнеров в коммуникации именно на тех своих чертах, качествах и т. п., которые считает или хочет считать своими достоинствами. Вслед за А. В. Болотновым, мы не можем не согласиться с той мыслью, что изучение различных дискурсивных проявлений человека позволяет выявить его мировидение, систему ценностей, особенности мышления и восприятия действительности, тезаурус, манеру общения и другие особенности. При стилевом подходе следует акцентировать внимание на индивидуально-авторских особенностях восприятия мира, обработке полученной информации и реакции на нее, на специфике приобщения адресата к своему видению действительности [3].

Особое внимание привлекают записи в блогах так называемых «тысячников». И здесь, несомненно, лидирующей фигурой остается на протяжении последних лет – блогер tema – дизайнер и публицист Артемий Лебедев.

Рассмотрим несколько записей в его сетевом дневнике последних лет, вызвавших широкую «реакционную волну» пользователей по причине их явной провокативности и обращающих на себя внимание яркой стилевой природой индивидуального почерка. (Выборка сделана нами целенаправленно, с учетом решения задач анализа провокативного дискурса.)

Запись 1.

«Правда о ваших родственниках. Ваш дедушка – кретин».

Запись является иницирующей. Заявлен (и явно провокативно) тематический и интенциональный план информационного посыла. Провокативный тон «балансирует» на грани оскорбительного заявления.

Заметим, автор дает открытую отрицательную характеристику личности (не какой-то конкретной, а любой, кто это прочтет), используя коммуникативный ход прямого оскорбления. Без объяснения деталей автор делает общий вывод об отрицательных свойствах коллективного адресата (аудитории). Оскорбительный смысл высказывания усиливается за счет использования приема «именительный темы»: автор предваряет запись утвердительной конструкцией со словом «правда», претендуя на достоверность сообщаемой информации. При этом каждый читатель после прочтения понимает абсурдность заявленного утверждения.

Неизбежно возникает вопрос: с какой целью автор без объяснения причин, с утвердительной претенциозностью позволяет себе неэтичные и оскорбительные выпады против читателей и членов их семей? Поддерживая дискурс первой записи, в последующей записи автор так объясняет свой поступок:

Запись 2.

«Примерка на себя...

Мне всегда было интересно, как устроен механизм восприятия публичного сообщения в качестве личного. Скажем, если человек видит надпись "Ты записался добровольцем?" – считает ли он, что обращаются именно к нему?

Я, например, все надписи воспринимаю как обращенные к кому-то другому, если, конечно, речь не идет о надписи, сделанной специально для меня. Призыв "пристегните ремень безопасности" я воспринимаю обращенным абстрактно ко всем, но при этом понятно, что мне тоже надо пристегнуть ремень. Я чувствую себя проинформированным, но не чувствую, что со мной пообщались.

(...) А в интернете особенно часто встречаются люди, которые любую форму безличного и массового сообщения воспринимают лично на свой счет. Нет большего удовольствия, чем намазать задницу скипидаром таким придуркам, которые реагируют на любую *уйню.

(...) Итак, за вчерашний день мы потеряли 220 *удачков, которые приняли близко к сердцу оскорбления, обращенные неизвестно к кому.

Зато кто остался? Правильно, бронейные, железобетонные супергении. Монстры выносливости, титаны терпимости, короли интеллекта, всем ребятам примеры».

В этой ответной реплике блогер дает читателям понять, что подобными вызывающе оскорбительными записями он попросту «дразнит» их, провоцируя «реакцию естественного отбора»: нельзя быть столь чувствительными к словам, не обращенным к кому-то конкретно, «защищайтесь, господа, защищайтесь!»; берите примеры с «монстров выносливости, титанов терпимости, королей интеллекта».

Таким образом, мы являемся свидетелями, как в рамках интерактивного диалога дается урок коммуникативной практики социального взаимодействия, где «отрабатывается», как в тренинге личной безопасности, тактики конструктивной коммуникативной защиты от манипулятивных реплик информационного сообщества. Следует обратить внимание, что провоцирование «коммуникативной адекватности» и обучение «правилам социальной защиты» в данном блоге встречаются достаточно часто. Например, в течение последнего года автор сделал более 350 записей в ЖЖ, в которых содержатся отрицательные, «жесткие» характеристики жизненных реалий: политических «монстров», «зарвавшихся чиновников», «недостойных работников автосервиса» или «непонятно наивных потребителей рекламы».

При анализе этих стратегий следует упомянуть исследование А. В. Олянича о понятии «игры в социально-личностном презентационном дискурсе». Концептуальное содержание игры как культурного феномена двупланово: с одной стороны, игра есть код существования человека, набор экзистенциальных действий и поведенческих реакций на происходящее в среде ему подобных; с другой же – это средство для реализации попытки доминирования в социуме и воздействия на него, доминирования в процессе коммуникации. Игра замешана на борьбе и презентации человеческих потенциалов к последней [2, с. 332].

Игровая стратегия при информировании в блоговых записях активно востребуется создателем сетевого дневника.

Рассмотрим пример.

Запись 3.

«Меня чудовищно бесит, когда в заслуги советской власти ставят то, что советская власть отмыла деревню, построила Днепрогэс, запустила человека в космос, и далее по списку. А американцы что, кукурузными листьями *опу подтирают? В Америке тоже везде провели электричество, там тоже до*уя гидроэлектростанций, и они тоже в космос летают. При этом – без коммунизма. СССР было тяжело восстанавливать города после войны. А Германии легко? У нас **евые дороги, потому что климат невыносимый. А в Финляндии с Норвегией что, другой климат?»

Данная запись, появившаяся в канун очередной серии дебатов перед выборами президента, инициирует обсуждение историко-культурных проблем в резко полемической форме. Следует обратить внимание, что автор прибегает к приёмам устно-разговорной полемики, где особое значение приобретает инвективная лексика как приём безапелляционного возражения, граничащего с недопустимым нарушением этического пафоса дискуссии.

Запись 4.

«Я считаю, что фильм "Адмирал" – чудовищное г*, что Чебурашка позорит страну в качестве символа на олимпиаде, что у нашего гимна хорошая музыка и ужасные слова, что рубли плохо нарисованы, что московский кремль надо переокрасить обратно в белый цвет. Просто потому, что патриотизм – это только то, что я чувствую и считаю правильным, а не то, что думает военрук, чиновник с полторашкой "Ягуара"».

Здесь блогер открыто заявляет активную позицию адресанта. Он предлагает читающей его блог аудитории актуальные социально значимые предметы для обсуждения. Данные короткие фразы-размышления могут стать основанием для целого ряда ответных постов, они провоцируют не только активную, но и осознанную социальную позицию: правильно только то, что «я чувствую и считаю правильным». Заметим, что автор не обходится и на этот раз без инвектив, прецедентов и скрытых смыслов. И, действительно, что может быть серьезнее размышления о наших «национальных социокультурных паттернах»?

Так пространство блога, сохраняя правила «сценария игры с аудиторией», становится интерактивной площадкой для решения важных проблем социокультурного диалога. И, как бы ни был жестким провокационный пафос этих записей, читатель ждёт с нетерпением продолжения этого инициированного диалога в последующих постах блогера Артемия Лебедева.

Не менее интересно решаются вопросы провокативного диалога в региональном блогодискурсе.

Практически любой современный региональный блогер ставит цели большие, чем поведать своим адресатам о собственных эмоциях или каких бы то ни было личных переживаниях, частично наделен функционалом журналиста. Можно сказать, что блогеры (и блогосфера как пространство адресантов и адресатов коммуникации в блогах) создают особый коммуникативный продукт информирования своих потребителей, находящихся с ними в контакте пользователей, о тех или иных событиях: инициируют подачу информационного повода для коммуникации, дают оценку представленной информации под тем или иным углом журналистского мнения.

Если обратиться к анализу тематического содержания региональных блогов, можно заметить, что подавляющее большинство авторов использует стратегию «заинтересованного информационного пользователя» и прежде всего отражает ключевые события текущей недели, что оправдывает ожидания адресата. Предлагаются новости «на потребу дня», всячески варьируется информационный мейнстрим и выбирается «незанятая информационная полоса», чтобы двигаться вместе с адресатом в направлении дополнения или уточнения уже знакомого читателям информационного события. Некоторые блогеры сами задают тему, генерируют нити информационного полотна, создают информационные поводы, зачастую прибегая к стратегии оценочного информирования.

Даже при самом поверхностном взгляде на информационное полотно можно заметить, что некоторые информационные поводы имеют ярко выраженные ограничения по охвату адресатов. Можно легко объяснить, что информация локальна по объективным причинам: принцип региональной журналистики – прежде всего обращаться к местным событиям и таким образом «презентовать новостной повод». Хотя возможны случаи, когда неактуальная для регионального читателя информация приобретала некоторый интерес у изначально нейтрального адресата. Но обычно потребитель коммуникативных продуктов блогеров сам осознанно и целенаправленно ищет информацию по той или иной теме (реже по автору) и становится на первом этапе читателем/комментатором того или иного блога.

Нам показалось целесообразным проанализировать блог регионального журналиста, чтобы увидеть, как складываются отношения автора и адресата блогговых записей в региональном информационном пространстве, как проявляет себя языковая личность блогера в информационном дискурсе.

Обратимся непосредственно к примеру. Для анализа был взят блог журналиста радиостанции «Эхо Москвы – Ярославль» Марка Нуждина (URL: <http://www.echo76.ru/blog-personal/39>).

Был выбран именно этот блог по следующим причинам:

- автор блога известен как медийная личность в регионе;
- блог относительно легко найти в Сети по имени автора блога;
- блог имеет актуальный для жителей региона контент;
- коммуникативное поведение блогера свидетельствует, что блог был создан не «по заданию редакции», и отвечает принципам индивидуальной блогосферы.

Так, например, для блогодискурса М. Нуждина характерен специфический, достаточно узкий выбор тем (общественно-социальные проблемы региона, историко-культурное наследие ярославского края, парадоксы местной политической практики); предлагаемые читателям темы в блоге почти всегда являются своеобразным продолжением тематики обсуждения в эфире радиовещания региональной станции «Эхо Москвы».

Обращает на себя внимание тот факт, что блогер пишет о городских проблемах для горожан и ожидает обратную связь – комментарии адресата, но не использует для такого диалога необходимых коммуникативных приемов: посты автора представляют собой большие законченные тексты, он активно рассуждает, методично и мотивированно выражает свою позицию с редкими элементами внутреннего диалога. Как показывает опыт анализа блогодискурса М. Нуждина, автор позиционирует себя как журналист с активной позицией, умеющий «что» и «как» сказать. Но речевая партия адресата не является самостоятельной, она всегда продиктована рамками записи, тематикой и тональностью блоговой записи; адресат в большинстве случаев оценивает не только информацию, но и критическую позицию блогера и встает «на защиту» авторских аргументов. Ещё одно интересное наблюдение: адресат и в форме записи, и в использовании приемов речевого воздействия внешне «копирует» блоговую запись автора (и посты, и комментарии, как правило, подробны и развернуты, и чем больше по объему пост, тем больше объем комментария того или иного адресата); автор не использует, в отличие от других блогеров, приемов поликодовости – читатель также пользуется в основном вербальным инструментарием, редко прибегая к использованию графемики или видеофайлов.

На наш взгляд, ярославский журналист-блогер и его адресат в контексте блогосферы еще не испытывают особого интереса и «драйва» при работе с информационным событийным материалом при передаче или при восприятии информации; они информационно грамотны, активны, но «ожидаемы» и «узнаваемы» в своих репликах-реакциях, что значительно отличается от подобной коммуникативной позиции участников столичной блогосферы.

Стоит отметить, что блогодискурс является уникальной коммуникативной средой благодаря тому, что позволяет быть «наедине со всеми», сочетать «публичное» и «интимное»; создатель сетевого дневника «настраивает» тональный и стилевой режим под себя, выбирает наиболее удобную «модель взаимоотношений с миром и людьми». Каждый блогер тем или иным способом стремится донести свои мысли до массовой аудитории. И если под успешной коммуникацией мы понимаем такое общение, которое позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить баланс отношений с собеседником, то есть «коммуникативное равновесие» [4], то в рамках виртуального пространства возможно и иное развитие событий: материалы могут быть намеренно провокационными, опубликованными с целью «взорвать» публику и тем самым получить неожиданный эффект доверия и долговременного интереса к собственной блогосфере.

Ссылки / Reference

- [1] Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
- [2] Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
- [3] Болотнов А. В. Самопрезентация языковой личности в публичном дискурсе: когнитивно-стилистический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. №10 (125). С. 169–173.
- [4] Стернин И. А. Основы речевого воздействия (Изд.2, испр.). Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.

УДК 82.0

Теория возможных миров
литературы: предпосылки
создания, основные задачи и
подход к художественному миру
литературного произведения

И. В. Неронова

Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова

E-mail: irinaneronova@gmail.com

Научная статья

Цель статьи – ознакомить с широко применяемой в западном и мало известной в отечественном литературоведении теорией, основывающей изучение художественного мира произведения на модальной логике. В статье изложены причины переноса теории аналитической философии на предмет изучения литературоведческой науки, а также описаны базовые свойства художественного мира литературного произведения в рамках указанного подхода.

Ключевые слова: возможные миры; художественный мир; литературное произведение; фикциональная референция; философия языка; модальная логика.

Possible worlds of literature:
prerequisites, main tasks and
approach to fictional world

I. V. Neronova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The aim of the article is to acquaint a reader with wide used in western literary theory and little known in Russian approach to fictional world which is based on modal logic. The article sets forth the reasons of transfer of analytic philosophy's theory on the subject of literary theory research, and also describes the main characteristics of fictional worlds of literature within the framework of the theory.

Keywords: possible worlds; fictional world; literary work; fictional reference; philosophy of language; modal logic.

Философская теория возможных миров была предложена в 1950-х годах одним из крупнейших и авторитетнейших философов XX века Солом Крипке¹ и разрабатывалась Я. Хинтикка, Д. Льюисом и другими. Сама идея возможных миров была высказана еще Лейбницем при анализе истинности логических утверждений. Однако Крипке не просто оживил идею Лейбница, но и дополнил ее понятием достижимости между возможными мирами, которые он понимает как логические модели, состоящие из K набора элементов, выделенного элемента G из этого набора и отношения R между ними. Миры связываются между собой отношениями доступности и альтернативности^{2,3}. Умберто Эко резюмирует резюмирует общие представления о возможных мирах так:

«а) возможный мир – это возможное положение дел, выраженное (описанное) некоторым множеством релевантных (относящихся к делу) высказываний, так что для каждого высказывания справедливо или p , или $\neg p$;

б) возможный мир состоит из множества возможных индивидов⁴, наделенных свойствами;

¹ В связи с этим назовем работу "Semantical Considerations on Modal Logic". Основной работой Сола Крипке по проблеме следствий для семантики теории возможных миров является книга «Именованное и необходимость» ("Naming and Necessity"), опубликованная в 1980 г.

² Отметим тот факт, что в своих работах Крипке при анализе отношений доступности и альтернативности часто ссылается на художественные тексты. Возможно, что и эта деталь сыграла свою роль при переносе его теории на предмет литературоведения.

³ О моделях миров С. Крипке подробно см. [1, p. 43–50].

⁴ Здесь и далее понятие «индивид» используется в рамках не социально-психологического, но логического определения. В логике индивид – «любой объект, обозначаемый единичным, или собственным, именем. Логические формальные исчисления, содержащие общие и экзистенциальные предложения, обычно предполагают существование непустой области к.-л.

с) поскольку некоторые из этих свойств, или предикатов, суть действия, возможный мир есть также и возможный ход событий;

d) поскольку этот ход событий не реальный, а именно возможный, он берет начало в чьих-то пропозициональных установках; иначе говоря, возможный мир – это мир воображаемый, желаемый, чаемый, искомый и т.д.

Подобные определения фиксируются во многих работах по логике возможных миров. Некоторые авторы сравнивают возможный мир с «цельным (завершенным) романом», т.е. с таким множеством высказываний, которое не может быть расширено без нарушения своей внутренней логики» [3, с. 375–376].

Концепцию возможных миров приняли на вооружение естественные (физика, экология и т.д.), социальные (социология, политология, экономика), гуманитарные науки. Как и другие научные дисциплины, теория литературы при всей трудности адаптации философской концепции к своему предмету не могла пройти мимо столь удобной метафоры: «рассмотрение художественного повествования как возможных миров связывает теорию литературы с динамичным междисциплинарным сообществом и предоставляет ей модель поэтики, которую невозможно найти в «классической» нарратологии»¹ [4, р. ix].

В 1970-х годах группа ученых (Умберто Эко, Любомир Долежел, Томас Павел), близких к структуралистской методологии, открыла объяснительную силу теории возможных миров в применении к исследованию повествования, теории жанров, художественной семантики, прагматики и т.д.

Основной причиной заимствования из модальной логики представления о возможных мирах стала неудовлетворенность исследователей существующими подходами к рассмотрению художественного мира, в частности теорией мимесиса. «В литературе общепринято говорить о «мире Мильтона», «мире романтизма», «мире «Войны и мира»» и «невозможном мире Маркеса», хотя, по-видимому, в каждом случае мы имеем в виду разные вещи. Распространенность понятия «мир» в литературных исследованиях и способ его использования иллюстрируют типичную ситуацию, в соответствии с которой понятие с достаточно широким значением, как, например, «модель» или «структура», используется как удобная метафора в разных контекстах и с разными целями»², – поясняет Р. Ронен [5, р. 97].

На критике теории мимесиса достаточно подробно останавливается один из наиболее авторитетных сторонников теории возможных миров литературы, канадский исследователь Л. Долежел: «Основным действием миметической интерпретации является приписывание фикциональному объекту реального прототипа... Очевидно, что миметическая функция обуславливает референциальную семантику фикциональности. Сравнивая художественный индивид с реальным, ...она приписывает референты фикциональным выражениям»³ [4, р. 6]. Подобный тип интерпретации постоянно сталкивается с проблемами. Одна из них – невозможность обнаружения прототипа художественного индивида. «Как бы то ни было, настоящая проверка миметической семантики происходит тогда, когда мы не знаем, где искать прототип... Поскольку за большинством фикциональных объектов не может быть

индивидуальных предметов – индивидов, к которым относятся утверждения формальной системы. Природа индивида для логики безразлична, требуется только, чтобы они отличались один от другого и чтобы каждый индивид обозначался одним именем» [2, с. 122].

¹ “Treating fictional narratives as possible worlds links literary theory to a dynamic interdisciplinary network and provides it with the model of *poiesis* we could not find in “classical” narratology”. Здесь и далее цитаты из англоязычных источников даются в моем переводе. – И.Н.

² “Talking about “the world of Milton, “the world of Romance”, “the world of *War and Peace*” and “impossible world of Marqués”, is commonly accepted in discourse of literature, although presumably in each case we mean something different. The currency of the concept of *world* in literary studies and the way it is used illustrate a typical situation whereby a concept of a broad enough meaning, such as *model* or *structure*, serves as a convenient metaphor in diverse contexts and for diverse purposes”

³ “The basic move of mimetic interpretation is to assign to a fictional entity an actual prototype... Obviously, the mimetic function provides a referential semantics of fictionality. By matching a fictional particular with an actual counterpart... it assigns referents to fictional terms”.

обнаружено реальных индивидов, миметическая критика выталкивается на интерпретативный обходной путь: вымышленные индивиды рассматриваются как репрезентации реальных универсалий – психологических типов, социальных групп, экзистенциальных или исторических условий»¹ [4, р. 7].

Далее Л. Долежел утверждает, что в попытках учесть роль автора в создании художественного мира произведения была создана псевдомиметическая модель интерпретации, которая предполагает, что автор, имеющий привилегированный доступ к вымышленным индивидам, «рассказывает о них, описывает их, утаивает информацию о них или делится знанием о них с читателями»² [4, р. 9]. Эта модель «определяет не реальный прототип, а источник фикционального бытия. Писатель – хроникер вымышленных областей. Существование этих областей принимается без объяснений. Как теория фикциональности псевдомимесиса пуст»³ [4, р. 9].

Как видно из приведенных цитат, Л. Долежел часто обращается к понятию фикциональной референции, которое является одним из ключевых в рассматриваемой теории. Представители философии языка (Г. Фреге, Б. Рассел, Дж. Сёрль) ставили под сомнение само существование художественного мира. В частности, «теория фикционального Фреге основывается на его хорошо известном различии двух аспектов значения: референции и смысла. Референция – обозначения объекта в мире; смысл – «способ репрезентации» референции. Фреге не делает скидок для художественной референции: если *Одиссей* – вымышленное имя, то оно не имеет референции... Но поскольку семантика Фреге двумерна, она может обуславливать, что вымышленные термины (репрезентации), хоть и не имеют референции, обладают значением, их значение создается и полностью исчерпывается смыслом. Более мягкие условия истинности могут быть постулированы для вымышленных предложений: не имея референции, они не имеют истинности, то есть не являются ни истинными, ни ложными»⁴ [4, р. 3–4]. Г. Фреге разделяет когнитивный и поэтический языки: когнитивный имеет целью достижение знания, поэтический – эстетическое удовольствие. При этом, с его точки зрения, за литературным произведением ничего не стоит, поскольку его референциальная область – пустое множество.

Взгляды на проблему референции, высказанные Г. Фреге, ставят следующий вопрос: каким образом может существовать способ презентации понятия

без презентуемого объекта? И новая теория фикциональности призвана была решить и этот вопрос.

Таким образом, теория возможных миров в ее приложении к литературе должна представить новый подход к анализу художественного мира произведения, не повторяя ошибок теории мимесиса, и при этом решить проблему фикциональной референции.

Тем не менее перенять философскую концепцию в ее чистом виде было невозможно по причине особого способа создания возможного мира произведения посредством художественных текстов. В соответствии с этим в теорию возможных миров, разработанную в модальной логике, были внесены изменения.

¹ “However, the real test of mimetic semantics comes when we do not know where to look for the prototype... Since no actual particulars can be discovered behind most fictional entities, mimetic criticism is forced into an interpretive detour: fictional particulars are taken as representations of actual universals – psychological types, social groups, existential or historical conditions”.

² “...report them, describe them, withhold information about them, or share their knowledge with the readers”.

³ “...indentify the source of the fictional entity rather than its actual prototype. A fiction writer is a chronicler of fictional realms. The existence of these realms is assumed without being explained. As a theory of fictionality, pseudomimesis is vacuous”.

⁴ “Frege’s semantic treatment of fiction rests on his well-known distinction between two aspects of meaning, reference (*Bedeutung*) and sense (*Sinn*). Reference is the denotation of an entity in the world; sense, “the mode of presentation” of the reference. Frege makes no allowance for fictional reference: if *Odysseus* is a fictional name, then it lacks reference... But since Frege’s semantic is two-dimensional, it can stipulate that fictional terms (representations), while without reference, are meaningful, their meaning constituted and exhausted by sense. Softer truth-conditions for fictional sentences can be posited: lacking reference, they lack truth-value, that is, are neither true nor false”.

В процитированной выше работе Л. Долежел обозначает основные постулаты нового подхода к пониманию художественного мира:

1. Художественные миры – «ансамбли» нереализованных возможных положений дел.

Художественные миры и их составляющие – художественные индивиды – обладают определенным онтологическим статусом нереализованной возможности. Вселенная дискурса не ограничивается реальным миром, но распространяется на неисчислимо количество возможных миров. Соответственно, логически и философски допустимо говорить о возможных индивидах – личностях, свойствах, событиях, положениях дел и т. д. Рассмотрение возможных миров как вселенной художественного дискурса позволяет решить долгое время дискутировавшиеся проблемы художественной референции и онтологического статуса художественного мира. Имя вымышленного индивида (например, персонажа) не является ни пустым, ни самореференциальным, оно является референтом конкретного индивида, существующего в рамках художественного мира. Принцип онтологической гомогенности фикционального мира (статус нереализованной возможности) необходим для сосуществования, взаимодействия и коммуникации вымышленных индивидов.

2. Набор художественных миров неограничен и максимально разнообразен.

Это свойство вытекает из отсутствия ограничений для конструирования художественных миров как в сфере логики (вымышленное может содержать логически противоречивые утверждения), так и в сфере физической возможности (например, в рамках художественного произведения возможно перемещение со скоростью, большей скорости света). Художественный мир – «это небольшой возможный мир, сформированный особыми глобальными ограничениями и состоящий из конечного числа способных к взаимному сосуществованию индивидов»¹ [4, р. 20]. Способность к сосуществованию зависит от глобальных ограничений мира, в качестве которых выступают модальности: алетическая (возможности / невозможности), деонтическая (запрещено / разрешено), аксиологическая (ценный / не ценный) и эпистемической (знание / вера).

3. Художественные миры доступны через семиотические каналы.

«Читатели получают доступ к художественному миру через восприятие, читая и обрабатывая литературные тексты. Деятельность по обработке текста затрагивает различные навыки и зависит от множества переменных, таких как тип читателя, стиль и цель его чтения и т. д. Но семантика возможных миров настаивает на том, что мир конструируется его автором и роль читателя – реконструировать его. Созданный авторским трудом текст – набор инструкций для читателя, согласно которому направляется реконструкция мира. Реконструировав художественный мир как ментальный образ, читатель может обдумать его и сделать частью своего опыта, как и эмпирически присвоенный реальный мир»² [4, р. 21].

4. Художественные миры литературы неполны.

В отличие от реального мира, содержащего неисчислимо количество индивидов, или возможного мира модальной логики, полностью задающего количество и свойства своих элементов, художественный мир неполон. Такое положение возникает под действием специфики его конструирования посредством конечного и ограниченного текста, в который невозможно включить характеристики, свойства и наименования всех его индивидов.

¹ “...it is a small possible world shaped by specific global constraints and containing a finite number of individuals who are compossible”.

² “Readers access fictional worlds in reception, by reading and processing literary texts. The text-processing activities involve many different skills and depend on many variables, such as the type of reader, the style and purpose of his or her reading, and so on. But possible-worlds semantics insists that the world is constructed by its author and the reader’s role is to reconstruct it. The text that was composed by the writer’s labors is a set of instructions for the reader, according to which the world reconstruction proceeds. Having reconstructed the fictional world as a mental image, the reader can ponder it and make it a part of his experience, just as he experientially appropriates the actual world”.

5. Художественные миры могут быть гетерогенны по своей макроструктуре.

Л. Долежел настаивает на том, что «...макроструктурные ограничения («общие предписания») гарантируют возможному миру его семантическую гомогенность. Элементарные художественные миры согласуются с этой моделью, но более сложные миры – композиция семантически различных областей. Основным примером семантической гетерогенности является двойной мир, разбитый на две области, управляемые противоположными глобальными ограничениями. Составные фикциональные миры типичны, даже необходимы, для повествований. Как правило, повествовательные миры создаются симбиозом, иерархией и внутренним конфликтом различных сфер. Они должны быть семантически гетерогенны, чтобы создать сцену для многих и различно действующих личностей, сюжетов и декораций»¹ [4, p. 23].

6. Художественные миры литературы создаются поэтикой текста.

Художественный мир – созданное человеком бытие, не существующее до акта творения. Текст задает художественную область, обладающую свойствами, структурой и типом существования отличными от действительности. Мир конструируется благодаря иллокутивной силе текста, задающего лингвистическими средствами его параметры.

Первые три из указанных свойств художественных миров сближают их с возможными мирами в философском понимании, последние три различают их. Понятие «художественный (фикциональный) мир» используется для разграничения собственно философского и теоретико-литературного подходов. С учетом внесенных изменений в понимание возможных миров модальной логики теория становится применима для анализа литературных произведений.

Рассматриваемая теория имеет свои границы применения, ограничиваясь изучением нарративных текстов. Единственной попыткой в рамках этого подхода анализа текстов (а следовательно, и миров) другого типа остается работа чешского исследователя лирики Мирослава Червенки «Fikční svety lyriky» («Художественные миры лирики»)². Приоритет исследования нарратива «мотивирован общепринятым убеждением, что среди литературных жанров именно повествовательные наиболее явно конструируют те семантические наборы и положения дел, к которым относится понятие мира. Такое интуитивное убеждение может объяснить, почему среди всех литературных теорий нарративная теория больше, чем теория драмы или лирики, занимается проблемой конструирования мира, хотя может быть показано, что миры не ограничиваются повествовательной конструкцией»³.

Отметим, что при всем отрицании миметического подхода сторонниками теории возможных миров, даже он включается в сферу рассматриваемой теории, так как «мир повествования, нарративный мир заимствует готовые комплексы свойств в качестве индивидов (с учетом обозначаемых поправок) у мира «реального», который для читателя остается миром референции.

¹ “...macrostructural constraints (“the general orders”) that shape a possible world ensure its semantic homogeneity. Elementary fictional worlds correspond to this model, but more complex worlds are composites of semantically different domains. The basic instance of semantic heterogeneity is the dyadic world, a world split into two domains governed by contrary global constraints. Composite fictional worlds are typical, indeed necessary, for narratives. Narrative fictional worlds are, as a rule, constituted by symbiosis, hierarchies, and tensions of many domains. They have to be semantically heterogeneous in order to provide the stage for many and diverse acting persons, stories, and settings”.

² Краткое изложение позиции исследователя можно найти в его статье ““Discovering” the Fictional Worlds of lyric poetry” (««Открывая» художественные миры лирической поэзии») [6]. В качестве основной категории художественного мира Червенка предлагает рассматривать субъект. Тщательное сравнение его подхода с подходом Долежела проводится в статье Богумила Форты “How many kinds of fictional worlds are there?” («Сколько художественных миров существует?») [7].

³ “...is motivated by the generally held belief that among literary genres, narrative fiction most clearly constructs those semantic sets and states of affairs to which the concept *world* pertains. Such an intuitive belief may explain why among fields of literary theory, narrative theory is still more occupied with the problem of world-construction than the theory of drama or of the lyric, although it can be shown that worlds are not confined to narrative construction” [5, p. 13].

Это происходит по многим – и теоретическим, и практическим – причинам. Никакой нарративный (воображаемый) мир не может быть полностью независим от мира реального, потому что не может сам создать ex nihilo цельный и завершенный универсум, наполнив его индивидами и свойствами» [3, с. 379].

Данная особенность референции существенно влияет на анализ прагматики художественных миров. Вследствие этого в фикциональную семантику включается «принцип, признаваемый фундаментальным для феноменологии чтения. Различно описываемый как «принцип минимального отклонения» (Рьян), «принцип реальности» (Уолтон), «принцип взаимного доверия» (снова Уолтон), принцип утверждает, что когда читатели конструируют фикциональные миры, они заполняют лакуны текста, предполагая сходство художественного мира и реальности их собственного опыта. Эта модель может быть отвергнута только самим текстом; так, если текст упоминает голубого оленя, читатель представит животное, похожее на его представление о реальном олене во всех отношениях, кроме цвета. Утверждение «у оленя четыре ноги» будет истинным в этом художественном мире, а утверждение «у оленя один рог, сделанный из жемчуга» будет ложным до тех пор, пока не будет предписано текстом»¹.

Тем не менее в теорию мимесиса вводится важное дополнение, позволяющее корректно определить мир референции, поскольку сопоставлять возможно только качественно идентичные величины: «В рамках конструктивистского подхода к возможным мирам даже так называемый «действительный» или «реальный» мир референции следует считать одним из возможных миров, т. е. конструктом культуры» [3, с. 380].

Реальный мир сводим к возможному миру культуры по причине существования различных представлений о мире, определяемых культурными, историческими, социальными и индивидуально-психологическими особенностями. Добавим, что некоторые тексты, особенно постмодернистские, апеллируют к собственно-культурным мирам, созданным другими текстами. Подобный подход теории возможных миров составляет, пожалуй, основное отличие от миметической теории, и связано такое изменение положения и свойств реального мира с изменением общей парадигмы научного знания XX века: квантовая теория физики постулировала относительность любого восприятия окружающего мира, а следовательно, и его статус объективно существующей познаваемой реальности. Таким образом, можно говорить о том, что как такового «реального» мира не существует, а имеется лишь комплекс различных о нем представлений, сконструированный отдельными субъектами и обществом в целом. И художественные миры занимают в этом комплексе особое место. Как и возможный мир, конструируемый системой научного знания, художественный мир подчиняется особым законам, но задается он не множеством взаимодействующих и взаимодополняющих моделей отдельных наук, а единственным сознанием, творчески моделирующим законы своего возможного мира посредством языка.

Таким образом, теория возможных миров литературы претендует на роль всеобъемлющей теории, решающей не только проблемы фикциональной онтологии и референции, но и объясняющей механизм конструирования художественного мира автором и обратный процесс реконструирования художественного мира в сознании читателя.

¹ “...a principle which has come to be recognised as fundamental to the phenomenology of reading. Various descriptions as ‘the principle of minimal departure’ (Ryan), the ‘reality principle’ (Walton), and the ‘principle of mutual belief’ (Walton again), the principle states that when readers construct fictional worlds, they fill in the gaps in the text by assuming the similarity of the fictional world to their own experiential reality. This model can only be overruled by the text itself; thus, if a text mentions a blue deer, the reader will imagine an animal that resembles her idea of real deer in all respects other than the colour. The statement ‘deer have four legs’ will be true of this fictional world, but the statement ‘deer have a single horn, and it is made of pearl’ will be false, unless specified by the text” [8].

Ссылки / Reference

- [1] Pavel T. G. *Fictional Worlds*. Cambridge, London: Harvard University Press, 1986. 178 p.
- [2] Ивин А. А., Никифоров А. Л. Индивид // *Словарь по логике*. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 122–123.
- [3] Эко У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста*. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
- [4] Doležel L. *Heterocosmica. Fiction and possible worlds*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. 339 p.
- [5] Ronen R. *Possible worlds in Literary Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 244 p.
- [6] Cervenka M. "Discovering" the Fictional Worlds of lyric poetry // *Style*. – 2006. – Vol. 40. № 3. P. 240–248.
- [7] Fort B. How many kinds of fictional worlds are there? // *Style*. 2006. Vol. 40. № 3. P. 272–279.
- [8] Ryan M.-L. *Possible-worlds Theory* // *The Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*. Ed. by D. Herman, M. Jahn and M.-L. Ryan. London, New York: Routledge, 2005. P. 446–450.

УДК 81'1.001

Проблемы алгоритмизации
описания значения
как феномена языкового
сознания

А. В. Рудакова

Воронежский государственный университет

E-mail: Leka-ru@yandex.ru

Научная статья

В данной работе предлагается алгоритм описания значения в семном толковом психолингвистическом словаре; определены основные компоненты словарной статьи; предлагается вариант количественного описания семного состава значения слова (индексы яркости семемы, индексы яркости семы).

Ключевые слова: значение; модель описания значения; психолингвистический эксперимент; семантика.

Problems of algorithmization
of word meaning description
as language consciousness
phenomenon

A. V. Rudakova

Voronezh State University

Scientific article

In this paper an algorithm of word meaning description as language consciousness phenomenon is suggested; the basic components of dictionary entry are described; quantitative description of the seme structure of word meaning is suggested (sememe brightness index, seme brightness index).

Keywords: meaning; model description of meaning; psycholinguistic experiment; semantics.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)».

Проблема алгоритмизации методик описания – важнейшая проблема для эффективного развития исследований в том или ином научном направлении, поскольку она позволяет оптимизировать методы описания и сделать их доступными для всех, кто хочет осуществить то или иное исследование, но при этом, возможно, находится вне соответствующей научной школы, в которой эти исследования являются устоявшимися и методически отработанными. Алгоритмизация методик позволяет также представить ту или иную методику в наглядном и удобном для использования виде для исследователя любого научного уровня.

В связи с этим важное значение имеет разработка алгоритмов описания психолингвистического значения как феномена языкового сознания.

Покажем в сжатом виде алгоритм описания психолингвистического значения (то есть значения, описываемого по результатам психолингвистических экспериментов [1; 2; 3]).

В основе предлагаемого алгоритма лежит модель, предложенная в «Психолингвистическом толковом словаре русского языка» (Воронеж, 2013), подготовленном в электронном виде в рамках гранта РГНФ № 12-04-00128 «Теоретические проблемы разработки и создания "Психолингвистического толкового словаря современного русского языка"», которая была дополнена и модифицирована в ходе исследований 2014–2015 гг. [4; 5].

Алгоритм описания имеет следующий вид.

1. Приводится заголовочное слово полужирным шрифтом, например, **хакер**.

2. Указывается экспериментальный материал, на основе которого проводится семантическая интерпретация данных (ассоциативное поле слова-стимула с указанием абсолютной частотности каждого ассоциата, сформированное по результатам свободного или направленного ассоциативного эксперимента, метода словарных дефиниций, семантического шкалирования и т. п.).

Например, данные свободного ассоциативного эксперимента [6]:

Ассоциативное поле стимула

Хакер 100: взломщик 23; компьютер 14; взлом 7; взломщик программ 6; Интернет, компьютерщик 5; взломщик, умный 4; компьютерный, преступник 3; больной, дурак, компьютерный гений, сайт 2; айтишник, всемогущий Бог интернета, комп, мальчишка, мотоцикл, ноутбук, опытный, парень, парень на мотоцикле, риск, смотря какой!, террорист, хороший, человек 1; отказ 4.

Может быть вычислен индекс яркости (ИЯ) каждой ассоциативной реакции как отношение количества испытуемых, давших данную реакцию, к общему числу опрошенных. Например:

ХАКЕР 100: взломщик 0,23, компьютер 0,14; взлом 0,07; взломщик программ 0,06; Интернет, компьютерщик 0,05; взломщик, умный 0,04; компьютерный, преступник 0,03; больной, дурак, компьютерный гений, сайт 0,02; айтишник, всемогущий Бог интернета, комп, мальчишка, мотоцикл, ноутбук, опытный, парень, парень на мотоцикле, риск, смотря какой!, террорист, хороший, человек 0,01; отказ 0,04.

На данном этапе формируется ассоциативное описание семантики слова – семантика слова-стимула представляется совокупностью ассоциаций разной яркости, что позволяет представить психолингвистическое содержание слова в самом общем виде, но без разграничения отдельных его значений и без детального психолингвистического описания семного состава каждого значения. Этим обычно ограничиваются в традиционной «ассоциативной» психолингвистике [7; 8; 9 и др.].

Однако задача, которую ставим мы, заключается именно в использовании ассоциативного инструмента для детального описания психолингвистического содержания семантемы (совокупности семем) и отдельных семем слова-стимула. Это и составляет следующие шаги алгоритма: выделяются отдельные значения и описывается семный состав каждого отдельного значения многозначного слова.

3. Проводится семантическая интерпретация ассоциатов.

Семантическая интерпретация результатов психолингвистических экспериментов заключается в осмыслении полученных ассоциативных реакций как языковых репрезентаций (объективаций, актуализаций) семантических компонентов слова-стимула.

Семантическая интерпретация результатов экспериментов включает следующие последовательные действия.

Семемная интерпретация заключается в объединении ассоциативных реакций, объективирующих отдельные значения в семантеме слова-стимула, и установлении отдельных значений слова, актуализованных в эксперименте.

На этапе семемной интерпретации ассоциативные реакции группируются по значениям по денотативному принципу: они разделяются на группы по числу отдельных значений, которые обозначают отдельные денотаты. Затем подсчитывается совокупный индекс яркости семемы (СИЯ), который равен суммарному количеству всех ассоциатов, объективировавших отдельную семему.

Например, при семемной интерпретации ассоциативного поля стимула «аниматор» возможно выделение следующих семем (в конце толкования каждой семемы указан СИЯ – общее количество ассоциатов, объективирующих данное значение в эксперименте):

1) мультипликатор, создатель мультипликационных фильмов (*мультик 15; мультипликатор 11; мультфильмы 9; кино 6; художник 4, фильм 4* и др.) – всего 63 реакции;

2) организатор досуга (*игры 3, клоун 3; клуб 2, развлечение 2, Турция 2, никудашный, организатор, отдых* и др.) – всего 23 реакции.

В результате анализа становится ясным количество разных семем, реально представленных в материалах эксперимента. При этом каждая семема оказывается представленной набором (совокупностью) некоторых реакций.

Семная интерпретация полученных реакций заключается в осмыслении полученных ассоциаций как языковых репрезентаций семантических компонентов слова-стимула (сем).

Производится обобщение полученных результатов: близкие по семантике ассоциаты, в разной метаязыковой форме называющие один и тот же семантический компонент, объединяются, а их частотность суммируется. Для каждой семы вычисляется индекс яркости (ИЯ) семы как отношение совокупности ассоциаций, объективирующих данную сему, к общему числу испытуемых

Например, при семной интерпретации ассоциатов стимула «бабочка» были сформулированы следующие семы семемы «насекомое» (после семы указан индекс ее яркости):

– красивая 0,17 (*красота 7, красивая 7; красавица, красиво, что-то красивое* – всего 17 ассоциатов);

– летает 0,07 (*летит 3, летать, летающее масло, полёт, порхать* – всего 7 ассоциатов);

– садится на цветы 0,06 (*цветок 5, цветы* – всего 6 ассоциатов) и др.

Подробно методика семантической интерпретации представлена в монографии [1].

Сформулированные семы выделенных значений составляют связную дефиницию конкретного значения. Каждое значение формулируется отдельно, указывается общее количество испытуемых, актуализировавших это значение; при каждой семе указывается количество испытуемых, объективировавших эту сему в ходе эксперимента.

Например, БАБОЧКА:

Семема 1. Красивое 0,17 насекомое 0,09 с крыльями 0,12, рождается из кокона 0,01, разноцветное 0,03, с разводами 0,01, обитает в природе 0,01, в том числе на цветах 0,06, на капусте 0,01, живет летом 0,04, весной 0,02, летает 0,06, его можно вспугнуть 0,01; ассоциируется с лёгкостью 0,05, невинностью 0,01, нежностью 0,01, радостью 0,01, является кормом для воробьев 0,02, объектом исследования и коллекционирования 0,02; типичные представители – махаон 0,04, капустница 0,02. СИЯ 88

Семема 2. Галстук. СИЯ 0,03

Семема 3. Заколка. СИЯ 0,01

4. Методом обобщения словарных дефиниций определяются основные значения слова-стимула в системе языка. Результатом применения данного метода является формулирование *интегрированного лексикографического значения* (термин О. Е. Виноградовой). Оно содержит обычно заметно больше значений, чем каждый отдельный словарь.

Подробно методика описания интегрированного лексикографического значения описана в [1; 3; 10].

Некоторые лексикографические значения могут быть не объективированы в ассоциативном эксперименте, что характеризует их как неактуальные для современного языкового сознания или для данной группы испытуемых.

В эксперименте могут выявиться новые значения, не зафиксированные в словарях. Они объективируются ассоциациями, которые не могут быть отнесены ни к одному из полученных методом обобщения словарных дефиниций лексикографических значений и характеризуют новый денотат.

Например: *москаль* – автомобиль марки «Москвич»; *немец* – автомобиль, произведенный в Германии; *рафик* – представитель кавказских народов, чаще всего грузин; *француз* – французский бульдог и др.

Такие значения описываются как новые, дополнительные – в виде перечисления сем с указанием их индекса яркости, как и предыдущие системные значения.

5. Осуществляется параметрическое описание психолингвистического значения слова.

Денотативный макрокомпонент значения

1. Признаковая (содержательная) часть.

2. Реляционная часть:

актуализация прецедентных текстов

устойчивые выражения

коммуникативная реакция

метаязыковые признаки

Коннотативный макрокомпонент значения

Оценочная характеристика:

неоценочное

неодобрительное

одобрительное

Эмоциональная характеристика:

неэмоциональное

отрицательно-эмоциональное

положительно-эмоциональное

Функциональная характеристика

стилистическая характеристика

социальная характеристика

темпоральная характеристика

территориальная характеристика

частотная характеристика

социально-нормативная характеристика

коммуникативно-тональная характеристика

Ссылки / Reference

- [1] Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.
- [2] Виноградова О. Е. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 67–73.
- [3] Рудакова А. В. О понятии интегрированного лексикографического значения слова и методике его описания // Культура общения и ее формирование: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2015. Вып. 31. С. 109–115.
- [4] Рудакова А. В. Методика описания денотативного макрокомпонента психолингвистического значения слова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 66–68.
- [5] Рудакова А. В. Проблемы описания психолингвистического значения слова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их исследования. 2014. № 3. С. 36–42.
- [6] Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Сост. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2011. 187 с.
- [7] Гуц Е. Н., Бутакова Л. О. Ассоциативно-семантический словарь как модель языкового сознания жителей региона (на материале языкового сознания жителей г. Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 13–18.
- [8] Даминова Р. А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 200 с.
- [9] Попова Н. П. Ассоциативно-семантическое поле «немец» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 206 с.
- [10] Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии: монография. Воронеж: Истоки, 2014. 180 с.

